Хороший сын, или Происхождение видов

Автор:
Чон Ючжон

Хороший сын, или Происхождение видов

Чон Ючжон

К-триллер

Характерный металлический запах будит Ючжина рано утром. Вскоре молодой мужчина обнаруживает тело родной матери, лежащей в луже крови у лестницы их сеульского дуплекса. Единственное событие прошлой ночи, которое он может вспомнить, – это мать, зовущая его по имени.

Был ли это крик о помощи… или о пощаде?

Чон Ючжон

Хороший сын, или Происхождение видов

Copyright © 2018 by You-jeong Jeong

All rights reserved.

© Чун Ин Сун, Погадаева А. В., перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство АСТ», издание на русском языке, 2021

Пролог

Палило серебристое солнце. По небу, походившему на майскую реку, плыли полосатые облака. Из кустов спирей, которые окружали внутренний двор костела, раздавалось пение камышовок. Мы со старшим братом, держа в руках свечи, на которых были написаны наши имена при крещении, вошли в арку из роз. Под торжественную песню хора мы шли через двор к алтарю у статуи распятого Иисуса.

Любящий Господь,

Ты делаешь мою жизнь прекрасной.

Твоя любовь

Делает мою жизнь прекрасной.

За нами парами шли мальчики в белой одежде и красных шапочках и девочки в белых платьях с венцом из перьев на голове. У алтаря нас уже ждали настоятель и викарий. Была последняя неделя мая – месяца Пресвятой Девы Марии. В то утро, в день Благословения, во внутреннем дворе костела только-только приступали к обряду Первого Причастия. Главными виновниками торжества были двадцать четыре ребенка, включая моего девятилетнего брата и меня – на год его младше.

Все прихожане, принимавшие участие в таинстве, обернулись и смотрели, как мы заходим во двор. Наш с братом крестный – дедушка по маминой линии – сидел впереди и широко улыбался. Мама и папа, сидевшие на местах для родственников, следили за каждым шагом брата, который возглавлял шествие. Иногда мама смотрела и на меня, не замечая, что я немного дрожу, как огонек свечи при легком дуновении ветерка. Она лишь на мгновение бросала свой безразличный взгляд на меня и снова возвращалась глазами к брату.

Со вчерашнего дня я плохо себя чувствовал. Болела голова, я испытывал странный озноб и всю ночь видел дурные сны. Утром горло совсем опухло, что я и глотка воды сделать не мог. В результате, в машине по дороге в костел у меня начался жар. Я подумал, что снова обострился хронический тонзиллит, но маме ничего не сказал. Наоборот, я изо всех сил притворялся здоровым, ведь если мама узнает, что я болен, не будет ничего хорошего. Она сразу же повернет

машину в больницу, в отделение неотложной помощи. Что там будет происходить, я прекрасно знал из своего богатого опыта. Возьмут кровь на анализ, сделают рентген грудной клетки или вколят лекарство. В худшем случае меня оставят на несколько часов под капельницей, чтобы сбить температуру. Первое Причастие пройдет, как и было запланировано, но без меня. Значит, я останусь один и буду ждать еще целый год, в течение которого снова придется ходить в Воскресную школу, переписывать стихи из Библии и посещать ранние службы в церкви. Еще и экзамен надо будет сдавать по новой. Опять придется пережить тяжелые страшные шесть месяцев. Но помимо этого я должен буду отдать другому ребенку свое место рядом с братом, которое я заполучил с огромным трудом. А победа вот она, уже совсем близко, ведь я прошел тяжелые испытания, ни в чем не уступая брату. Я не могу отказаться от всего этого из-за какого-то тонзиллита.

Серьезные признаки болезни проявились, как только мы начали заходить. Я не сделал и пяти шагов, как меня охватил внезапный холод, и, не пройдя и половины двора, я ощутил страшный, колотивший меня озноб. А когда оставалось всего три-четыре шага, мои ноги совсем обессилели. Я пошатнулся, наступил на конец белой робы и чуть не упал. Я бы наверняка шлепнулся лбом об землю, если бы меня тут же не подхватил брат.

– Что с тобой? – беззвучно, одними губами спросил он. Я не ответил, а выпрямился и сделал последние шаги. При этом я быстро глянул на скамью, где сидели члены моей семьи. Широко раскрытые глаза мамы были устремлены прямо на меня и задавали тот же вопрос. Что с тобой?

Я потупился и покачал головой. Я не мог ей сказать: «Мама, если ты мне разрешишь вообще никогда не проходить Первое Причастие, то я с радостью упаду прямо на месте». Но и будь у меня такая возможность, все равно уже было слишком поздно – мы дошли до алтаря. Настоятель протянул руку. Старший брат первым отдал ему свечу.

– Хан Юмин – Михаэль.

Получив свечу от брата, настоятель положил ее у алтаря. Я следом протянул свою.

– Хан Ючжин – Ноэль.

Настоятель взял меня за руку и забрал свечу. Он внимательно всматривался в мои глаза, словно успокаивая маленького испуганного щенка. Не бойся, дитя мое.

Щеки кололо, мне казалось, что мою кожу растягивают. Я отвернулся и встал рядом с братом. Вскоре вторая пара детей передала свои свечи настоятелю. Время тянулось бесконечно долго, пока другие десять пар подходили к алтарю. Да и сама служба шла слишком медленно. У меня было такое ощущение, будто маленький лягушонок под палящим летним солнцем пытается перейти через восьмиполосное шоссе. Идешь, оборачиваешься, и все равно ты почти там же, где был. И так всякий раз. В ушах непрерывно звучало пение камышовок, которое то приближалось, то удалялось.

– Слушай, Израиль… Итак положите сии слова Мои в сердце ваше и в душу вашу, и навяжите их в знак на руку свою, и да будут они повязкою над глазами вашими…

В какой-то момент я открыл глаза и увидел, что мой папа, выступающий от лица родственников детей, читает «первое чтение». Его голос, обычно очень низкий и четкий, дрожал и запинался. Широкие плечи были сильно напряжены, что делало его похожим на робота. Чисто выбритые щеки отливали синевой и походили на разлившуюся по лицу гематому. Я повернул голову в сторону скамеек, где сидели члены семьи. Я сразу почувствовал на себе взгляд мамы, словно она до сих пор только и делала, что следила за мной. По ее лицу было видно, что, скажи я хоть слово, она сразу бросится ко мне. Она уже поняла, что я чуть было не упал не по неосторожности, а потому что со мной что-то не так. Возможно, мои щеки стали одного цвета с моей красной шапочкой. Или она заметила мое дрожащее под белой одеждой тело.

– Вот, я предлагаю вам благословение и проклятие… которые я заповедую вам сегодня… – Голос отца оборвался у меня в ушах. Мысли были бессвязными, а время стало прерывистым. Пение птиц удалялось и, наконец, исчезло далеко за спиной.

– Ты что? Спишь? – Голос брата заставил меня очнуться. Открыв глаза, я увидел, что священники, которые держали хлеб и вино, вышли к алтарю и остановились. Только я подумал, что должен подойти к ним, как уже оказался у алтаря. Рука настоятеля была согнута, как длинная сухая и темная ветка. На ее конце, словно полная луна, висела смоченная в вине круглая облатка.

– Тело Христово.

Аминь. Старший брат высунул язык и принял хлебец. Я тоже поднял голову, но открыть рот не смог. Мое горло страшно горело. Вся моя плоть была охвачена жаром. Перед глазами вихрем взметнулась пыль, все предметы приняли странные очертания. Статуя распятого Христа перевернулась, алтарь поднялся над головой, а ветки спирей стали похожи на костлявые человеческие пальцы. Я ощущал, как мои ноги медленно поднимаются вверх. В конце концов весь мир перевернулся, мое тело рухнуло.

– Ючжин! – в уплывающем сознании донесся резкий крик мамы.

– Открой глаза! Ючжин, открой глаза!

Я еле-еле разомкнул тяжелые веки. Через узкую щель появилось страшно бледное мамино лицо.

– Ючжин, у тебя что-то болит?

Я лежал у алтаря на маминых руках. Расширенные черные зрачки мамы сильно дрожали прямо над моим лицом. Я хотел сказать, что мне холодно, но не смог пошевелить губами.

– Может быть, это солнечный удар? Вызвать 119? – спросила беспокойным голосом огромная, словно скала, черная тень, упавшая мне на лоб. Человек заслонил лучи солнца, поэтому я не мог видеть его лицо. Но я подумал, что это должно быть папа, тем более что мама кричала ему: «Скорее же!» А тонкая тень рядом – это, наверное, брат. За его плечами быстро, будто огонь по сухому полю, клубами разрастались черные тучи. Издалека доносилось пение камышовок. А посреди темнеющего неба горело красное солнце.

Глава I

Зов из темноты

Меня разбудил запах крови. Он был очень сильный и походил на звук, который, проходя через резонатор, усиливался и отдавался громким эхом вокруг. Все мое тело, казалось, всасывает его в себя. Перед глазами всплывали странные картины. Мутный и желтоватый свет уличных фонарей, выстроившихся вереницей в тумане; речная вода, стремительные потоки которой закручивали воронки внизу у обрыва; валявшийся на мокрой проезжей части алый зонт; строительный брезент на стройке, развевающийся на ветру. Откуда-то сверху доносилось пение какого-то мужчины, язык которого явно заплетался:

Женщина под дождем, которую забыть не могу.

Ее забыть не могу…

Мне понадобилось совсем немного времени, чтобы догадаться, что? случилось. Не нужно было обладать воображением гения, чтобы предсказать, что произойдет. Это была не реальность и не обрывки сновидения. Это был сигнал, который моя голова посылала телу. Не двигайся, просто лежи! Ведь это расплата. Расплата за то, что ты самовольно перестал принимать лекарство, предотвращающее припадки.

«Прекращение приема лекарства» было для меня сладостным дождем, который орошал мою жизнь-пустыню. И пусть, переживая страшную бурю припадка, я время от времени должен был платить за эту свободу. Все мои чувства, мысли и видения в тот момент предвещали скорый разгул стихии. Беспорядочные галлюцинации – так это можно назвать по-научному.

Нет гавани, где можно было спрятаться от бури. Ничего не оставалось, как ждать ее начала. Буря бросала меня, абсолютно беззащитного, во мрак. Учитывая прошлый опыт, очнувшись, я совершенно не помню, что со мной происходило. До пробуждения сознания я нахожусь в долгом глубоком сне. Это похоже на физический труд, нечто такое же простое и интенсивное, после чего чувствуешь себя сильно уставшим, обессилевшим. Конечно, я сам виноват – ведь я прекрасно понимал, что будет, если я прекращу принимать лекарство. Это сродни зависимости – повторяешь опять и опять, прекрасно осознавая, каковы последствия.

Как правило, зависимые люди принимают наркотики ради эйфории, в моем случае все было наоборот. Я должен был прекратить прием лекарства, и тогда через некоторое время наступало время магии. Побочные эффекты – головная

боль и шум в ушах – исчезали, мое восприятие становилось очень острым. Нос улавливал малейшие запахи, точно я обретал обоняние пса. Мозг работал как никогда быстро, и я воспринимал мир больше интуитивно, чем сознательно. Я чувствовал себя хозяином своей жизни. Мне казалось, что все люди находятся в моей власти.

Конечно, были и кое-какие неприятные моменты. Мама и ее сестра были мне неподвластны. Моя жизнь напоминала подушку, на которой уселись две эти женщины. Попросить их убрать свои задницы не было никакой возможности. Я мог с большой долей вероятности предположить, что бы произошло, если бы мама увидела мой припадок.

Как только я бы очнулся, она сразу отвела бы меня к своей сестре, известному и авторитетному психиатру, главному врачу детской клиники и по совместительству моему лечащему врачу. Тетя смотрела бы мне в глаза и дружелюбно пытала бы меня вопросами, пока я ей не отвечу. Почему ты прекратил принимать лекарства? Я смогу тебе помочь, только если ты мне все честно расскажешь. Если уж говорить начистоту, честность не самое главное мое достоинство, я вообще к ней не стремлюсь. Я предпочитаю практичность, поэтому ответил бы так. Совсем вылетело из головы, и на следующий день я так про него и не вспомнил. Тетя, которая видит весь мир насквозь, вынесла бы вердикт – «намеренное прекращение приема лекарственных препаратов». А судебный исполнитель, моя мама, при каждом приеме пищи заставляла бы меня принимать лекарства в ее присутствии. Она внушала бы мне, какую высокую цену мне придется заплатить за «несколько офигенных дней», давая ясно понять, что, пока я буду вести себя так, я не смогу избавиться от ее задницы, сидящей на подушке.

Ючжин!

Вдруг я вспомнил голос мамы, который услышал перед пробуждением. Он был тихим, как ветерок во сне, но отчетливым, будто хватал меня за руку. Однако сейчас, проснувшись, я не чувствую в доме ее присутствия. Вокруг царит тишина, от которой закладывает уши. В комнате очень темно, значит, пока не рассвело. Если еще не половина шестого, то мама, скорее всего, спит. Тогда я могу успеть перенести припадок втайне от нее, как было накануне поздно вечером.

Все произошло около полуночи. Я стоял, переводя дыхание, у пешеходного перехода недалеко от мола, после пробежки до смотровой площадки «Млечный путь», расположенной в морском парке архипелага. Я каждый раз отправляюсь бегать, когда мое тело переполняют силы и мускулы напрягаются, этот симптом называют «моторным возбуждением», а я называю его «собачьей болезнью». Происходит это обычно глубокой ночью, поэтому я бы выразился еще точнее – «безумное моторное возбуждение».

В этот час дорога была пуста, как и мол. Стоявшая возле перехода уличная палатка-пирожковая «У Ёни» была закрыта. Пристань внизу была полностью скрыта во мраке, а шестиполосное шоссе, похожее на взлетно-посадочную полосу, окутывал густой туман. Дул резкий, свирепый ветер, обычный для приморского города. Стояла зима, но шел сильный дождь. Такую погоду иначе, как ненастной, не назовешь, а я ощущал такую легкость во всем своем теле, словно на улице светило солнце. Казалось, я мог долететь до дома по воздуху. Настроение было приподнятым. Просто совершенная ночь, если бы не запах крови, который донес до меня ветер.

Запах был тошнотворный, с привкусом железа. Он бил мне прямо в лицо, как встречный ветер. Запах был не таким интенсивным, как сейчас, но достаточно сильным, чтобы его можно было принять за сигнал о надвигающемся припадке. На небольшом расстоянии от меня прямо в мою сторону шла женщина, которая приехала на последнем автобусе. Держа в руке зонт, она быстро семенила, как пингвин, из-за дувшего ей в спину ветра. Было бы и в самом деле неплохо перелететь домой, потому что я совсем не хотел, чтобы незнакомая женщина видела, как я валяюсь посреди дороги, извиваясь всем телом, словно кальмар на жаровне.

После этого мое сознание отключилось. Видимо, оказавшись у себя в комнате, я сразу, даже не раздевшись, лег в кровать и уснул, мирно похрапывая. Это был третий припадок в моей жизни, но впервые сразу после пробуждения начались симптомы, предвещающие новый. Эти симптомы и интенсивность запаха отличались от тех, что я ощущал раньше. Мне казалось, что я лежу в дыму от разорвавшейся бомбы. Кожу кололо, в носу щипало от запаха, сознание было нечетким. Видимо, новый припадок будет сильнее, чем когда-либо.

Его сила не внушала мне страха: не все ли равно – промокнуть от ливня или от моросящего дождика. Главное, чего я хотел, это чтобы он побыстрее начался и закончился до пробуждения мамы.

Я принял выжидательную позу и закрыл глаза. Я повернул голову вбок, чтобы предотвратить возможные затруднения с дыханием, мне было жаль свое тело, которое скоро начнет скрючиваться и сгибаться в дугу. Я расслабился и глубоко вдохнул. Раз, два… Когда я досчитал до пяти, зазвонил радиотелефон, лежавший на прикроватной тумбочке. Звук был настолько неожиданным и громким, что, казалось, мои ушные раковины выворачиваются наружу. Меня всего передернуло от мысли, что сейчас в гостиной на нижнем этаже также раздается громкий звонок, от которого в испуге проснется мама. Я почувствовал ужасное раздражение. Что же это за дурак в такою темень, на рассвете…

Звонок прервался. Но сразу, словно принимая эстафетную палочку, пробили напольные часы. Пробили всего один раз. Таким ударом они возвещали половину каждого часа. Сейчас точно не час ночи, значит, половина шестого утра. Я всегда просыпался в это время. Эта привычка появилась у меня еще в начальной школе, когда я начал заниматься плаванием. Я всегда просыпался в это время на рассвете, за час до тренировки, независимо от того, во сколько лег спать накануне. Наверняка мама сидит сейчас за письменным столом в своей комнате и, как обычно, произносит молитву Деве Марии, повторяя ее трижды.

Радуйся, Мария, благодати полная!

Господь с Тобою;

Благословенна Ты между женами,

И благословен плод чрева Твоего Иисус…

После молитвы мама должна пойти в ванную и принять душ. Я прислушивался, пытаясь понять, что происходит на нижнем этаже. Вдруг я услышу, как она отодвигает стул или включает воду. Но я мог различить лишь громкий телефонный звонок. На этот раз звонил мой сотовый. Видимо, и предыдущий звонок на домашний телефон был адресован мне.

Я протянул руку и пошарил около подушки. Телефон должен был быть там, но я никак не мог его нащупать. Может быть, я оставил его на столе или в ванной… Пока я искал, звонок прекратился. Через некоторое время снова зазвонил домашний телефон. Я резко поднялся и взял трубку. Сказал: «Алло» – и сразу услышал знакомый голос:

– Ты что, до сих пор спишь?

Это был Хэчжин. Меня разом покинули силы. Ну, конечно, кто мог искать меня в это время? Только хозяин комнаты на первом этаже.

– Я уже проснулся, – ответил я.

– А что делает мама? – Этот вопрос был совсем неожиданным, как и время звонка. Вчера он сказал, что должен встретиться с людьми из киностудии. Может быть, он ночевал не дома? Я решил проверить.

– А ты что, не дома?

– Ты, видно, еще не до конца проснулся. Будь я дома, стал бы я звонить? Я сейчас в районе Санамдон.

Оказалось, что накануне вечером Хэчжин встречался с продюсером фильма «Частный урок», на съемках которого он работал прошлым летом. Тот предложил ему новую работу, и они пошли в кабак отметить заключение контракта. Потом Хэчжин поехал на студию одного знакомого смонтировать видеоролик с торжеств по случаю шестидесятилетнего юбилея, который он снимал в тот день. В студии его разморило, и он уснул.

– Я только что проснулся, проверил свой телефон и увидел, что ночью мне звонила мама. Странно, в это время она должна была спать.

Он был уверен, что все дома уже встали, но никто не подошел к телефону, он забеспокоился и позвонил мне.

– Что-то случилось? Все в порядке?

Я резко поднес руку к глазам – она вся была какая-то затвердевшая и на ней что-то налипло. К коже лица вокруг глаз, рта и носа тоже что-то приклеилось. Я это просто почувствовал, не дотрагиваясь. Как сказала бы самая образованная из всей нашей родни тетя, «ощущение инородного тела без воздействия тактильных корпускул».

– Что может случиться? – с деланым безразличием ответил я, трогая свои волосы. В них тоже что-то запуталось и затвердело.

– Да? А почему тогда она не отвечает? Я звонил и на домашний, и на сотовый, – сказал Хэчжин.

– Наверно, она молится. Или в ванной, или занята чем-нибудь на веранде, вот и не слышала звонка.

Я продолжал ощупывать грудь, живот, ноги. Я был в той же одежде, в которой ночью выходил из дома, но она казалась совсем другой. Мой мягкий приятный на ощупь свитер стал жестким, как тряпка, которую сто дней подряд сушили под палящим солнцем. Штаны были твердыми, словно бычья кожа до выделки. Я приподнял свои ноги и потрогал носки, они были такими же жесткими, как и свитер.

– Да, может быть, – сказал Хэчжин, будто сам себе. Мне даже показалось, что я вижу, как он в сомнении слегка наклонил голову.

– Точно? Ничего не случилось? – снова переспросил он. Я раздраженно кивнул. Ну, что могло случиться, кроме того, что я выгляжу так, словно вывалялся в грязи.

– Ну, если ты переживаешь, перезвони маме попозже.

– Да нет. Скоро я буду дома.

– А когда? – спросил я и задумался. Что же случилось со мной ночью, почему я весь в грязи? Пока я «летел домой», разве я где-нибудь падал? Я не мог вспомнить. Даже если и падал, грязи нигде ведь не было. Только если я возвращался домой через стройку, развернувшуюся в нашем районе. Или поскользнулся, перепрыгивая через клумбу возле дома.

– Приму душ и сразу домой. Думаю, до девяти буду, – Хэчжин положил трубку, а я сел на кровати, вернул телефон на тумбочку и взял пульт управления лампой. Когда я включил свет, над головой зажглась люминесцентная лампа, а в ушах взорвался крик мамы снизу.

Ючжин!

Я осмотрел комнату, и у меня перехватило дыхание. Сглотнув, я сильно закашлялся, ударил себя в грудь, и из глаз потекли слезы. Я рухнул на кровать.

Когда я был пловцом, я получил золотую медаль в соревнованиях по плаванию на дистанцию 1500 метров. Тогда один журналист из ежедневной газеты спросил меня про мои сильные стороны. Я, как научила меня мама, скромно ответил, что мое дыхание достаточно синхронизировано с движениями. Тренер, отвечая на тот же вопрос, уже без ложной скромности сказал, что у меня крепкая грудная клетка и объем легких больше, чем у остальных его учеников. В этом мире перекрыть мне дыхание могли только два человека, а вернее, две женщины, которые сидели верхом на мне, как на подушке. Или если бы в моем горле разорвалась торпеда, которая именно сейчас, когда я осматривал комнату, была в меня запущена.

На серебристом мраморном полу виднелись неровные кровавые отпечатки ног и следы крови. Судя по их направлению, человек двигался от двери к кровати, если, конечно, он не пятился задом наперед. Очевидно, что-то произошло за пределами моей комнаты. На кровати тоже было много крови. Простыня, одеяло, подушки – все, чего касалось мое тело, было красным. Я осмотрел себя. На черном свитере, спортивных штанах и носках была запекшаяся кровь. Значит, разбудивший меня запах не был привычным сигналом, предвестником припадка. Это был настоящий запах крови.

Я был в замешательстве. Это мои следы? Что произошло за дверью? Почему я весь в крови? Со мной случился припадок? Он был такой сильный, что я прокусил себе язык? И потому я весь в крови? Если так, то я должен находиться не в своей комнате, а в мире мертвых. Более правдоподобно было бы предположить, что во время припадка кто-то, затаив злую обиду, облил меня ведром свиной крови или пырнул ножом. Однако нигде ничего не болело, значит, и это тоже было неправдой.

Пока это что-то происходило за дверью, где же была мама? Маловероятно, что она столкнулась со мной. Мама была очень педантичной и пунктуальной. Она все делала по расписанию – ела, ходила в туалет, занималась спортом. И сон не исключение. Ровно в девять вечера она принимала снотворное, прописанное тетей, и ложилась спать. Поэтому я всегда должен был быть дома до девяти. Нарушала она этот распорядок лишь в крайнем случае: когда я возвращался

домой позже этого времени.

Хэчжин тоже был членом нашей семьи, но на него это правило не распространялось. Мама объясняла эту дискриминацию тем, что Хэчжину поздно вечером на улице припадок не грозит.

Мне было грустно от этого, но причина была более чем уважительной. Как ни крути, лучше раньше вернуться домой, чем на глазах у людей превратиться в поджаренного скрюченного кальмара, или упасть на рельсы, ожидая поезда в метро, или завалиться на проезжую часть и быть раздавленным машинами. Именно поэтому я каждый раз страстно ждал ночи, чтобы, как вор, выйти из дома через железную дверь на крыше и отправиться на пробежку.

Вчера ночью именно так все и произошло. Я вернулся домой в 20:55 после вечеринки, организованной в честь наших преподавателей. Я вынужден был уйти задолго до ее окончания. Там я выпил около четырех стаканов сочжу с пивом, к которым я обычно вообще не притрагиваюсь. Я шел пешком под дождем от автобусной остановки до дома в надежде остудить раскрасневшееся лицо. Жар спал, но я был еще подшофе, настроение было приподнятым. Из-за этого у меня совсем вылетело из головы, что после цифр на кодовом замке нужно нажать решетку, и я почти целых двадцать минут боролся с замком. Сунув руки в карманы брюк, я строго смотрел на замок, который меня не слушался. За это время раз пять раздавался звук принятого сообщения. Можно было и не смотреть, и так было ясно, что это от мамы, как и то, что? она могла написать.

«Ты уже едешь?»

«Где ты сейчас?»

«Когда ты вернешься?»

«На улице дождь, не иди пешком, я приеду за тобой на остановку».

Как я и ожидал, спустя пять секунд после последнего сообщения дверь приоткрылась и показалась мама. Она выглядела стильно, как всегда, – бейсболка, белый свитер, коричневый кардиган, узкие джинсы и белые кроссовки, которые она обычно надевала в магазин. В руке она держала ключи

от автомобиля. Я сжал губы и уставился в пол. Настроение резко упало, хотелось громко крикнуть: «Довольно…»

– Когда ты приехал?

Мама приоткрыла дверь и закрепила ее на стоппере. Это означало, что так просто она меня не впустит. Краем глаза я глянул на наручные часы – 21:15.

– Я вернулся раньше… – Я замолчал и вздрогнул, потому что под ногами стала образовываться круглая яма, а дверь выгнулась вперед, как живот у женщины на сносях. Когда я поднял голову, моя спина ныла, голова стала тяжелой, как бочка рома. Лицо пылало, наверняка оно стало красным, как помидор. Я смотрел прямо, чтобы мама ничего не заметила. Затем стал переводить взгляд на нее. Я действовал очень медленно и осторожно, словно двигал самые опасные предметы в мире. Как только наши глаза встретились, я торопливо добавил:

– Я не мог открыть дверь, поэтому не заходил.

Мама посмотрела на замок, молниеносно нажала семь цифр и решетку. В этот момент замок запищал и открылся. Она снова перевела взгляд на меня: – И в чем проблема?

– А-а-а… – я кивнул, показывая, что никакой проблемы нет. С моей мокрой головы падали капли воды. Одна капля скользнула между глаз и повисла на кончике носа. Я дунул, и капля упала. Когда я посмотрел на маму, ее взгляд был прикован к моему лбу. Точнее говоря, к маленькому шраму размером с ноготь на мизинце, будто именно в нем зарождалась вся моя ложь.

– Ты что, пил? – спросила мама. Вопрос выбил меня из колеи. По словам тети, алкоголь оказывает сильное воздействие и вызывает припадки, поэтому алкоголь в списке маминых правил был табу под номером один.

– Мало. Совсем чуть-чуть.

Я приблизил большой палец к указательному, оставив примерно сантиметр от его кончика. Взгляд матери ничуть не смягчился. По-прежнему я ощущал боль в шраме на лбу, словно по нему долбила клювом птица. В надежде исправить

ситуацию я добавил:

– Всего одну кружку пива.

Мама моргнула, всем видом показывая, что не верит мне.

– Я не хотел пить, но профессор налил… – оправдывался я. Вдруг мне стало очень обидно, и я замолчал. Боже мой, мне уже двадцать пять лет, а мама упрекает меня за то, что я выпил несколько рюмок водки. Во всем виновата эта проклятая дверь. По плану я должен был тихо ее открыть и, поднимаясь к себе на второй этаж, громко крикнуть маме, что я вернулся. Если бы все пошло по плану, я бы не нарушил комендантский час, мама не вышла бы меня встречать и не узнала бы, что я выпил. В этот момент левая нога обессилела и согнулась в колене, все тело наклонилось влево.

– Ючжин! – закричала мама и взяла меня под локоть. Я кивнул головой. Все нормально. Я не пьян. Правда, всего лишь одна кружка.

– Давай поговорим внутри.

Я, конечно, хотел войти, но разговаривать мне совсем не хотелось. Я убрал руку матери со своего локтя. На этот раз подкосилась правая нога, и я полетел на маму и обнял ее за плечи. Мама резко вздохнула, ее маленькое худое тело мгновенно напряглось. Кажется, она немного удивилась моему неожиданному поведению. Такого раньше не было. Может быть, она была тронута, или ей было это странно, или что-то еще. Я обнял ее крепче. Давай не будем ни о чем говорить. Зачем напрасно языком трепать. Я же уже выпил, ничего не изменишь.

– Что с тобой?

Мама высвободилась из моих объятий, и я почувствовал, что она пытается справиться с эмоциями. Затем к ней вернулось ее обычное спокойствие. Меня это расстроило. Я опустил руки, зависшие в воздухе, и вошел в прихожую. Пока я снимал обувь, мама спросила из-за спины:

– Что-нибудь случилось?

Я, не оглядываясь, покачал головой. Затем вошел в гостиную, слегка кивнул и сказал:

– Спокойной ночи!

Может быть, она почувствовала что-то странное, поэтому не остановила меня, а просто спросила:

– Тебя проводить наверх?

Я снова покачал головой и стал неторопливо, но и не очень медленно подниматься на второй этаж. Помню, что у себя в комнате я сразу разделся и, не принимая душ, лег в кровать. Я слышал, как внизу мама вошла в свою комнату. Дверь хлопнула, и хмель как рукой сняло. Что я делал после этого? Наверно, просто лежал минут сорок в кровати, глядя в потолок. Потом меня охватила «собачья болезнь», и я выбежал через железную дверь на крыше.

Я только что проснулся, проверил свой телефон и увидел, что ночью мне звонила мама. Странно, в это время она должна была спать.

Неожиданно я вспомнил слова Хэчжина. Когда он это произнес, мне было все равно, а сейчас показалось странным. Почему ему звонила мама? Оттого что ее выбило из колеи мое необычное поведение? Или она узнала, что я убежал через крышу? Почему Хэчжину это показалось странным? А во сколько она звонила? В одиннадцать? В полночь? Если после звонка мама не спала, может быть, она слышала, когда я вернулся?

Нет. Если бы она заметила, что я вернулся, вряд ли бы оставила меня в покое. Стала бы меня расспрашивать, как в детстве, когда хотела, чтобы я в чем-то признался, и не дала бы мне спать, пока я не сказал бы всю правду. Где ты был так поздно? Когда ты ушел? Ты уже много раз убегал?.. Или, может быть, даже наказала бы меня, чего давно не случалось – заставила бы меня всю ночь стоять на коленях перед статуей Богородицы и повторять «Аве, Мария». А если бы увидела меня всего в крови, как сейчас, думаю, наказание не ограничилось бы одной молитвой. То, что я проснулся в своей комнате, подтверждало, что ночью мама меня не видела.

Я встал с кровати. Я должен был выйти из комнаты во что бы то ни стало, только тогда я что-нибудь выясню. Я аккуратно шаг за шагом двигался к двери, стараясь не наступать на кровавые следы. Добравшись до стола, я невольно остановился – за стеклянной дверью, ведущей на террасу, стоял незнакомый мужчина. Вставшие дыбом волосы, похожие на козлиные рога; красное лицо, словно с него сняли кожу; беспокойно блестевшие белки глаз. Я был шокирован увиденным и чуть не потерял сознание. Этот красный зверь – я…?

За стеклянной дверью ничего не было видно. Пришедший с моря туман стоял плотной стеной. За туманной завесой лишь тускло мерцал желтый свет фонаря под навесом, который мама установила, обустраивая садик на крыше. Наверно, я, как обычно, включил его вчера ночью, когда уходил через железную дверь на крыше, но я всегда его потом снова выключал.

Было еще кое-что необычное. Ведущая на террасу стеклянная дверь была приоткрыта. Она захлопывалась автоматически, поэтому каждый раз, выходя на крышу, я оставлял ее приоткрытой. Иначе бы пришлось заходить через другую дверь, выходившую в коридор на втором этаже. Но, когда я возвращался, я всегда ее закрывал. А сейчас все было именно так, как после моего ухода. Я бы ни при каких обстоятельствах не забыл ее закрыть, тем более в декабре. К тому же моя комната находилась на втором этаже дуплекса под самой крышей 25-этажного дома у моря. Оставлять дверь открытой и устраивать в комнате ледник не было никакого резона. Разве что, будь я мамой, которая проветривала комнату по сто раз на дню из-за менопаузы.

Было только одно разумное объяснение. Прошлой ночью я вернулся через прихожую внизу, а не через эту дверь. Об этом говорили и направление следов в комнате, и приоткрытая стеклянная дверь на террасу, и невыключенный фонарь. Почему я вошел в квартиру через входную дверь? Почему я так выгляжу? От чего комната в таком виде? Ответов пока не было.

Я посмотрел на часы на столе. На черном фоне горели три красные цифры: 5:45. Я не слышал шума воды, но можно было догадаться, что мама сейчас в ванной. Наверно, через десять минут она выйдет из своей комнаты и пойдет на кухню. За это время я должен узнать, как обстоят дела за дверью.

Я открыл дверь, вышел в коридор и повернул выключатель. Загорелся свет – кровавые следы тянулись через весь коридор к лестнице. Я бы скорее поверил в то, что в облаках плавают тропические рыбки или что на море колышутся

золотые волны. Я прислонился спиной к двери и слушал шепот Оптимиста в моей голове. Это сон! Ты еще не проснулся. Этого не может быть на самом деле.

Я с трудом оторвал спину от двери, словно меня кто-то насильно тянул вперед, и пошел по следам. Когда я ступил на темную лестницу, над головой ярко загорелась сенсорная лампа. В глаза мне бросилась следующая картина: кровавые отпечатки рук на перилах, кровавые следы на ступеньках и пятна крови. Словно лунатик, я смотрел на кровавые капли и подтеки на стене вдоль лестницы, потом увидел лужу крови на лестничной площадке. Если это и правда не сон, значит, «что-то» произошло именно здесь.

Я еще раз посмотрел на свои руки – красные, словно их окунали в кровь, на свитер, штаны и носки, на которых была запекшаяся кровь. Может быть, именно в этом месте меня облили кровью? Но кто это сделал? Чем больше появлялось вопросов, тем сильнее было мое замешательство. В голове все слишком запуталось. Я не мог ни о чем думать. Ничего не слышал и не чувствовал.

Я неуклюже, словно медведь в маске человека, спускался вниз по лестнице. Пройдя лужу крови, я повернул на следующий лестничный пролет и сделал шаг вниз. Я вскрикнул – от увиденного у меня снова перехватило дыхание, как от удара камнем в лоб. Я откинул голову назад и попятился. Невольно я крепко зажмурился. В этот момент в мозгу заговорил Оптимист. Ничего не случилось. Все это не по-настоящему. Возвращайся к себе в комнату, пока не появилась мама. Ложись в кровать и поспи еще. А когда проснешься, тебя встретит самое обычное утро.

Нельзя. В спор вступил Реалист. Нельзя просто закрыть на все глаза. Надо проверить: точно ли это сон. Если нет, ты должен спуститься вниз и разузнать, что случилось и почему ты проснулся в таком виде. Если же это сон, будет не поздно вернуться в комнату и снова заснуть.

Я открыл глаза. На нижнем этаже ярко горел свет. Под перегородкой, отгораживающей кухню от лестницы, была лужа крови. В ней лежали босые ноги. Пятки упирались в пол, а пальцы были направлены к потолку, ноги лежали абсолютно параллельно друг другу. Из-за перегородки выше лодыжек ничего не было видно, будто кто-то специально отрезал ступни и положил их в этом место как произведение искусства.

Это человеческие ноги? Или ноги куклы? Или это галлюцинация? Реалист прав – нельзя ничего понять, просто глядя с лестницы. Надо спуститься и проверить. Во рту пересохло, я с трудом сглотнул и стал спускаться вниз. На нижнем пролете кровь и следы от ног были на каждой ступени. А кровь из лужи, оставленной на лестничной площадке, стекала вниз на пол гостиной. Когда я добрался до последней ступеньки, кровавые босые ноги оказались совсем близко, они были настоящими.

Пальцы с выступающими костяшками, узкий подъем, пятки, наполовину погруженные в лужу крови, на левой лодыжке браслет с подвеской в форме ладони. Кишки у меня в животе свернулись узлом, началась икота. Я хотел вернуться в свою комнату, пока не увидел то, о чем буду жалеть.

Я заставил себя сделать шаг в гостиную и с трудом повернул голову направо, в сторону прихожей. От лестницы до входа на кухню тянулась лужа крови в форме вытянутого четырехугольника. Посередине лежала женщина. Женщина с окровавленными босыми ногами, направленными к лестнице, голова ее была повернута в сторону прихожей. Женщина в белом, похожем на ночную рубашку, свободном платье. Женщина с прямыми как палки ногами, сложенными на груди руками и длинными волосами, закрывающими лицо. Женщина, походившая на галлюцинацию психа.

Еще один шаг – и вот ее икры. Шаг – и бедра, прикрытые платьем. Шаг – и я остановился на уровне ее локтей. Голова немного откинута назад, а горло перерезано от левого до правого уха. Надрез был сделан одним движением чьей-то очень сильной руки, которая острым лезвием рассекла горло полукругом в форме лезвия ятагана. Внутри рана была красной, словно оттопыренные жабры. Мне казалось, что эти жабры пульсируют, хватая воздух. Из-под распущенных волос на меня глядели черные зрачки, которые точно острыми когтями впивались мне в глаза. Они словно приказывали подойти поближе. Мое тело рефлекторно подчинилось приказу. Я согнул твердые и прямые, как строительный кран, ноги, присел на корточки рядом с женщиной и протянул руку к ее лицу. Сильно дрожа, я решительно убрал волосы с ее лица.

Ючжин!

Снова раздался голос мамы – тот же голос, который я слышал во сне. Голос, похожий на стон, затихающий в горле. У меня вновь перехватило дыхание. В голове послышался страшный громкий звук, словно столкнулись два поезда. Все

расплывалось волнами в моих глазах. Спина ослабла, ноги поскользнулись в луже крови, и я, пытаясь рукой упереться в пол, потерял равновесие и рухнул.

Широко раскрытые глаза, словно у испуганной кошки, капли крови, как слезы, запекшиеся на ресницах, худые щеки, острая линия подбородка, приоткрытые губы. Это была женщина, которой принадлежал браслет для ног с подвеской в форме ладони. Женщина, которая шестнадцать лет назад на том острове потеряла мужа и старшего сына. Женщина, которая все это время жила только ради меня. Женщина, от которой я унаследовал половину своих генов. Это была моя мама.

В глазах потемнело. Голова закружилась. Я не мог пошевелиться, не мог дышать. Казалось, легкие наполнены горячим песком. Мне оставалось просто сидеть рядом с мамой и ждать, пока в моем помутившемся сознании не зажжется свет, и я смогу что-нибудь предпринять. Но, на самом деле, я хотел, чтобы все это оказалось сном – все, включая и слова Оптимиста, утверждавшего, что это сон. Я надеялся, что в голове раздастся звонок будильника и спасет меня от этого кошмара.

Время текло очень медленно. Дома было тихо, устрашающе тихо. И в этой тишине начали бить часы – пробило шесть. Через полчаса после моего пробуждения – то время, когда мама готовит мне на кухне молочный коктейль из банана, кедровых и грецких орехов, а потом поднимается в мою комнату.

Часы умолкли, но мама по-прежнему лежала у моих ног. Меня охватило темное страшное отчаяние. Это был не сон? Мама на самом деле звала меня? Может, она просила о помощи или о спасении?

Мои ноги дрожали. Внизу живота все как-то потяжелело. Я почувствовал колющую боль под пупком. Мочевой пузырь раздулся, словно пытался прорвать мою плоть. Я ощутил острое и сильное желание пописать. Такое случалось со мной в детстве каждый раз, когда я видел во сне рельсы и говорил себе, что надо встать, но не мог. Я сел на колени, сжал бедра и с силой уперся в них руками. Меня прошиб холодный пот.

#

Меня прошиб холодный пот. Мне было ужасно страшно из-за того, что я только что натворил. Одеяло, простыня – все было мокрым. Намокшая пижама прилипла к попе и спине. Шел очень сильный запах мочи. И так три ночи подряд. Когда мама узнает, она ужасно рассердится и спросит: «Ты что, младенец? Что это ты творишь?» Она, скорее всего, посадит нас с братом перед собой и начнет расспрашивать: «Вы оба должны говорить правду. Куда вы ходили позавчера после школы? Что с вами случилось?»

Мы с братом учились в первом классе одной из частных школ недалеко от района Синчхон. В то время мама работала редактором в издательстве, расположенном в том же районе за университетом, поэтому каждое утро подвозила нас до школы. После занятий мы отправлялись в изостудию возле маминой работы. Можно сказать, что эта студия была для нас чем-то вроде группы продленного дня, где мы проводили время до вечера. Она находилась недалеко от школы, но никакой транспорт туда не ходил, поэтому мы с братом всегда добирались пешком. По дороге мы покупали себе что-нибудь перекусить и брели, глазея по сторонам, часто сворачивая с маршрута. Мама всегда очень волновалась и говорила нам:

– Нельзя ходить к железной дороге. Вы должны идти по главной улице.

– Хорошо. Не беспокойся, – отвечали мы, но не слушались. Иногда, а уж если говорить начистоту, очень часто мы шли по железнодорожным путям, ведущим из Сеула в Ыйджу, наши лодыжки щекотала трава, которая росла между рельсами. Конечно, мы не просто спокойно шли, мы на ходу придумывали различные игры и состязания. Иногда мы играли в «Пугало» – поднимали руки вверх, откидывали голову назад и вслепую двигались по рельсам, глядя в небо. Или соревновались в прыжках в длину. Выигрывал тот, кто перепрыгнет большее количество шпал. Но более всего мы любили игру «Выживание». Местом ее проведения служили сами рельсы и близлежащие пустыри. Каждый раз игра заканчивалась ничьей, ведь у нас были абсолютно одинаковые, купленные нам мамой, игрушечные автоматы – совершенно бестолковые и безопасные, но громко стрекотавшие при каждом нажатии на гашетку.

Но три дня назад, когда мы отправились в школу, в наших портфелях лежали уже настоящие защитные очки и ничем не отличимые от настоящих боевых пневматические пистолеты с пульками. Папа привез их нам в подарок из командировки в Америку. Мама была недовольна, считая эти игрушки опасными, а мы безумно радовались очкам и пистолетам, которые могли выстрелить шесть

раз подряд. Нам не терпелось поскорее опробовать их в деле, поэтому уроки в школе показались безумно нудными и тягучими. Мы оба думали только о железнодорожной станции Синчхон.

И мы помчались туда опрометью сразу после занятий. С портфелями за спиной мы бегали по самой железной дороге и по окрестным пустырям и стреляли друг в друга. Мы совсем забыли о маме и об изостудии, совершенно потеряв счет времени. Израсходовав все пули, мы стояли друг против друга на окраине пустыря, откуда виднелась станция Синчхон. Мы не были готовы смириться с ничьей, поэтому решили так: выиграет тот, кто первым добежит до финиша, то есть до здания вокзала.

Раз. Два. Три. Я пулей сорвался с места. Сперва я бежал впереди, но в середине дистанции брат нагнал меня, и я отстал. Когда я почти добежал до железнодорожных путей у самой станции, брат уже несся вниз по склону за железной дорогой. Издали показался поезд. Исход нашего поединка был очевиден, но я все равно еще не сдавался. Не раздумывая, я бросился к рельсам и перепрыгнул через них. В этот момент ранец подскочил на спине и сильно ударил меня по локтю, выбив пистолет из моей мокрой от пота руки. Когда я это понял, то уже приземлился на склоне за путями.

Я вскочил на ноги и обернулся. Пистолет лежал на дальнем от меня рельсе. Поезд стремительно приближался, от земли поднимался дрожащий поток теплого воздуха. Еще немного, и от моего пистолета останется мокрое место. У меня не было времени на раздумья, и я одним махом выпрыгнул на рельсы. Грузовой поезд был совсем близко, но я не мог бросить свой пистолет.

– Ючжин! – Брат что-то прокричал, но я его не услышал. Раздался гудок, я не смотрел по сторонам, мой взгляд был прикован к пистолету. Я бросился к нему. В тот момент, когда я его схватил и кубарем скатился по склону, над головой с оглушительным грохотом застучали колеса поезда и меня обдало сильным ветром. За спиной я услышал крик брата:

– Беги!

Я помчался, потому что боялся, что машинист остановит состав и поймает меня или меня увидит сотрудник вокзала и вызовет полицию. Пока я бежал, я был страшно напряжен – боялся, что кто-нибудь схватит меня сзади. Позже мы

встретились с братом перед изостудией. Мои школьные штаны были порваны, лицо перепачкано грязью, а волосы топорщились в разные стороны. Учительница нас обоих умыла и зашила мне штаны. Мы, конечно, не стали рассказывать ей правду, придумали такую версию: мол, упали, бегая наперегонки на школьной спортплощадке.

Проблемы начались с той ночи. Как только я засыпал, я оказывался на пустыре рядом с железной дорогой. Все дневные события повторялись во сне. Когда я хватал пистолет, а поезд проносился мимо, я непременно чувствовал сильное давление внизу живота. Каждый раз, когда я просыпался, я лежал весь мокрый, кровать была вся описана. И так три ночи подряд. Что мне было делать?

Я не понимал, как с этим быть, но меня сильно клонило в сон. Я так хотел спать, что проблема отошла на второй план. Я снял пижаму, с которой капала моча, и бросил ее на кровать. Голым, прижимая к себе подушку, я пошел в комнату брата, тихо приподнял одеяло и залез к нему в постель. Он лежал на боку спиной ко мне, от него пахло травой, как на пустыре. В одну секунду запах мочи рассеялся, я закрыл глаза и сразу уснул. Я снова увидел тот сон, но на этот раз не описался. Наверное, оттого, что перед самым прыжком на рельсы брат остановил меня своим криком:

– Поезд! Идет поезд!

Именно с той ночи я начал спать в комнате брата. Весь год до весны следующего года, когда моего брата не стало. Рядом с ним я редко видел тот сон. Но когда он возвращался, меня защищал голос брата. Сейчас, как и тогда, мне очень хотелось лечь на кровать рядом с ним. Мне казалось, что он поможет мне преодолеть этот кошмар.

Твой старший брат давно умер. Проговорил Реалист. Ты сам должен решить эту проблему.

Оконное стекло, выходящее на веранду, примыкавшую к кухне, задребезжало от сильного порыва ветра. Звук вибрировал в ушах, в голове пульсировала кровь. Я еле-еле проглотил слюну, наполнившую мой рот. Да, точно. Брата нет в живых. Я еще раз сжал колени и сел прямо, сдерживая желание пописать. Я поднял руку и протянул ее к маминому лицу, в этот момент диафрагма напряглась, казалось, меня сейчас вырвет. Плечи тоже были так страшно напряжены, что я не мог

выпрямить руку. Пальцы сильно дрожали. Все мое тело замерло. Моя рука находилась всего на расстоянии ладони от лица мамы, но это расстояние казалось огромным, его не преодолеть и за миллион лет.

Ты же не собираешься ее съесть. Рассерженно проговорил Реалист. Ты просто хочешь проверить, что она в самом деле не дышит, что ее сердце остановилось, а тело холодное. Так что протяни быстрее руку и потрогай ее.

Я несколько раз выдохнул. Приложив средний палец к носу мамы, я немного подождал. Однако не почувствовал ничего – никакого дыхания. Ее щеки, испачканные темно-бордовой кровью, были очень холодными, сухими и твердыми. Мне казалось, что я трогаю не плоть человека, а затвердевшую глину. Я опустил руку на середину маминой груди, потом потрогал ее слева и справа. Между ребрами не пробивалось сердцебиение, не чувствовалось тепло. Похоже, мама действительно умерла.

Мои плечи опустились. Меня, словно туман, густо окутала растерянность. Чего я вообще хотел? Ожидал, что мама до сих пор жива? Или просто надеялся, что это сон? Теперь все стало ясно: это не сон, а я нахожусь на месте убийства.

Что-то случилось? – голос Хэчжина донесся из глубины памяти. Что-то? Если бы я знал, что случилось нечто подобное, я бы не стал выбираться из кровати до прихода Хэчжина. Конечно, это не превратило бы нечто в ничто, но по крайней мере я бы не сидел сейчас в растерянности перед трупом мамы, не зная, что делать дальше.

Я поднял голову и сразу увидел плотно закрытую дверь в прихожую. От нее тянулся короткий коридор, выходивший в гостиную. Слева от коридора находилась комната Хэчжина с ванной напротив. Гостиную и объединенную с ней кухню разделяла стойка. Около кухни начиналась лестница на второй этаж, отгороженная перегородкой. От лестницы шел небольшой коридор, вдоль которого располагались две комнаты: мамина спальня и кабинет. В углу коридора находился шкафчик с предметами искусства, а рядом стояли небольшие напольные часы. Маятник качался туда-сюда… Привычные предметы и пространство, которые я видел сотни раз, вдруг стали для меня незнакомыми и чужими. В моей голове возникали и повторялись вопросы. Кто это сделал? Когда это произошло? Почему?

В первую очередь я начал думать о «ком-то», проникшем в наш дом. И почти на автомате в голове стали всплывать различные слухи и толки. «В последнее время в новообразованном городе Кундо участились случаи разбоя и воровства». Они имели под собой основание, с одной лишь оговоркой – их только что сочинил я.

Кундо начали заселять совсем недавно. Больше половины домов пустовало. В городе была еще слабо развита инфраструктура – магазины, общественный транспорт, социальные объекты были пока плохо обустроены. Безопасность также оставляла желать лучшего – всего один полицейский участок на первый и второй микрорайоны. Чем не рай для воров? В городе должны были действовать целые банды грабителей, проникающие за жителями в подъезды и взламывающие двери квартир. Главная их цель – пентхаусы на последнем этаже с собственной террасой на крыше. Я предположил, что прошлой ночью именно такой грабитель вломился в нашу квартиру. Воображение живо рисовало мне произошедшее.

Он проник через железную дверь на крыше. Естественно, сперва необходимо было взломать замок, думаю, это не представило для него большого труда. Тем более я несколько часов назад сам вышел через эту же дверь, оставив защелку открытой. Проникнув в квартиру, он наверняка начал обшаривать дом – мою комнату на втором этаже, комнату Хэчжина, гостиную и спальню напротив маминой комнаты. Услышав шум, мама, которая спит очень чутко даже со снотворным, наверняка проснулась. У нее прекрасная интуиция, и она сразу поняла, что это не я и не Хэчжин. Если бы в тот момент она встала с кровати, тогда…

Она открыла бы смело дверь комнаты и выглянула в гостиную? Или громко бы крикнула, входя в гостиную: «Кто там?» Или взяла бы сотовый и сразу позвонила мне? Но я ничем не мог ей помочь, так как оставил сотовый дома. Поэтому мама, возможно, позвонила Хэчжину. Таким образом, можно объяснить, почему прошлой ночью она пыталась с ним связаться.

Именно в тот момент этот «кто-то», обшарив все вокруг, входит в мамину спальню. Как мама могла повести себя? Может, притворилась спящей? Или успела спрятаться в гардеробной или в ванной? Или открыла стеклянную дверь и выскользнула на веранду? Может быть, она звала на помощь? Или побежала на кухню, чтобы взять нож и дать отпор грабителю, но он догнал ее около стойки и завязалась драка? Как бы то ни было, ясно одно – все случилось перед

перегородкой, отделявшей лестницу от кухни, и случилось очень быстро – всего за несколько минут. Пусть мама была и не робкого десятка, а этот «кто-то» был слабым, как старый козел, силы были не равными.

Я, вероятно, именно тогда и вернулся домой на грани припадка, в состоянии зомби. И именно в тот момент, когда мама стонала и звала меня, именно в тот момент, когда я думал, что это сон. Услышав мамин голос, я ворвался в дом через парадный вход, а не через железную дверь на крыше. Когда я увидел, что мама лежит на полу, этот «кто-то» наверняка набросился на меня с ножом. На секунду я представил, как дрался с ним. А если он был не один, скорее всего, я проиграл. В противном случае противник не смог бы меня одолеть. Вероятно, он хотел убежать через крышу, а я нагнал его на лестничной площадке. Что могло произойти дальше?

Я никак не мог подтвердить свои предположения, ведь я ничего не помнил. Абсолютно ничего, что случилось после полуночи. Но тем не менее мои догадки нельзя было назвать полной чушью. Я мог успеть обезоружить «его» до того, как у меня начался припадок, потом доползти до постели и отключиться. Если все так и было, то что я должен сделать? Заявить… да, надо заявить в полицию.

Я на коленях дополз до журнального столика в гостиной и резко снял телефонную трубку. Куда мне позвонить? 119 или спасателям? В полицию? Мои пальцы соскальзывали с кнопок, а цифры плясали перед глазами. Я никак не мог сконцентрироваться, на том конце провода включился автоответчик. Здравствуйте, уважаемый клиент. Я издал нечленораздельный звук, похожий на стон.

Я потер руки о бедра и снова стал нажимать на кнопки – медленно и четко. 1. 1. 2. Я прокручивал в голове фразы, которые собирался четко произнести спасателям. В следующий момент я поднял голову, и моя спина онемела, словно меня ударило электрическим разрядом в миллион вольт. За стеклянной дверью, ведущей на веранду, сидел мужчина, которого я уже видел до этого в своей комнате. На красном лице выделялись сверкающие белки глаз. В трубке раздался гудок, я испугался и обернулся к маме. Моему взору предстала картина, которую увидят полицейские, ворвавшись в наш дом. Мертвая женщина, лежащая в луже крови с перерезанным горлом, ее перепачканный кровью сын, сидящий на коленях возле телефона с растерянным лицом.

– Полиция Инчхона. Чем я могу вам помочь…

Я нажал на отбой и снова начал обдумывать, что сказать. Когда я проснулся, мама была уже мертва, мне кажется, ее кто-то убил, но по непонятной причине я сейчас весь в крови и в моей комнате множество следов крови. Однако я – точно не «он». Умолять их, чтобы они мне поверили? А они мне разве поверят? Мне ответил Реалист. Чушь! Лучше скажи, что мама сама перерезала себе горло.

Чтобы подтвердить версию о взломе, необходимы два доказательства: «он» или «его» труп. «Его» следы остались только на лестнице. Если во время драки со мной он получил серьезные ранения, он должен быть еще в квартире. А если, прячась, он скончался от нанесенных мной ранений, дома должен быть его труп. Тогда все можно объяснить. Объяснить, почему я проснулся весь в крови, объяснить наличие лужи крови на лестничной площадке и в гостиной, объяснить, почему мама звонила Хэчжину и почему я не помню ничего, что случилось после полуночи.

Я поставил телефонную трубку на базу. Сердце бешено колотилось. Мои мысли зашевелились, словно получив ускорение от какого-то мотора, и стремительно ринулись вперед. Руки и ноги задвигались, и нейронная система, которая до сих пор была обесточена, ожила и пришла в действие. Я стал прикидывать все места в квартире, где смог бы спрятаться этот «кто-то». Укромное теплое местечко, где можно лечь и которое не так легко обнаружить. Я насчитал около десяти таких мест.

Я поднялся и, задержав дыхание, неслышно прокрался к двери маминой спальни. В случае чего, я был готов к «его» нападению. Я аккуратно повернул ручку двери, резко открыл ее ногой и вбежал в комнату. Оказавшись внутри, я растерянно встал рядом с кроватью.

Все было на своих местах. И ничего из того, что я ожидал там увидеть – ни следов, ни пятен крови, никаких признаков драки. Двойные шторы на окне, выходившем на веранду, были задернуты. На одеяле, которым была застелена стоявшая у окна кровать, не было ни складочки, сверху аккуратно лежала подушка. Ни единого намека на то, что кто-то спал на ней. На прикроватной тумбочке стояли лампа и часы, у изножья кровати была кушетка, на которой лежали большие квадратные подушки. Комната выглядела, как в любое утро после того, как мама вставала и приводила все в порядок.

Из всей этой идеальной картины выбивалось только бюро, стоявшее в углу у стены напротив кровати. На столе лежала ручка, а кожаный стул с высокой спинкой был сильно отодвинут от бюро назад. Под стулом валялся упавший с подлокотника коричневый плед. Он был аккуратно сложен, видимо, мама не стала, как обычно, укрывать им ноги в то утро.

Я перепрыгнул через кровать и раздвинул шторы. Никого! Ни на веранде, ни за занавесками. Я стал открывать дверцы шкафов. В первом были подушки и шторы, во втором – постельное белье и одеяла. Их было так много, что можно было легко приютить у нас дома с десяток групп школьников. В третьем стояли коробки со всякой мелочью. Затем я открыл гардеробную, соединявшуюся с коридором, и включил свет. В ней царил безупречный порядок, как и в комнате. Мраморный, блестящий, как лед, пол, туалетный столик, на котором ровными рядами стояли разные флаконы и маленькие баночки, полки с аккуратно сложенной одеждой, платяной шкаф, в котором вся одежда была распределена по сезонам и укрыта чехлами. Я нигде не мог обнаружить «его» следов. В ванной я тоже ничего не нашел – на полу ни пятнышка, а в сухом воздухе чувствовался слабый запах шампуня.

Следующей я открыл дверь в кабинет и вошел туда. Там хранились мамины книги и вещи папы. Тоже ничего подозрительного. Я вышел из комнаты, миновал лестницу и зашел на кухню. Все было в идеальном порядке. Не было не то что кровавых отпечатков и следов, но даже ни капли крови. Мне показалось крайне странным, что кровавая лужа, в которой лежал труп мамы, растеклась только перед кухней. Если бы убийство произошло именно здесь, то повсюду – на полу в гостиной, на кухне, на стойке, на обеденном столе, в раковине, на шкафах – должны были остаться следы крови, как на лестничной площадке. Именно на ней все произошло, это было сразу понятно.

Я обследовал каждый уголок квартиры – один за другим. Веранду на кухне, ванную, даже комнату Хэчжина. Везде было чисто и аккуратно. Я уже выходил из нее, как вдруг остановился у порога и еще раз обвел ее взглядом. Кровать, огромный телевизор, шкаф, письменный стол и стул, на котором висели спортивные штаны и футболка.

Нет, все-таки здесь что-то не так. Обычно, если только дело не касалось работы или путешествий, Хэчжин всегда ночевал дома – когда встречался с коллегами из кинокомпании, выпивал с товарищами из университета, работал над снятым видео. Да и мама ему этого не запрещала, но он все равно возвращался спать

домой. И именно вчера Хэчжин почему-то не ночевал дома. Более того, позвонил мне утром в то время, когда я обычно просыпаюсь, и спросил: «Что-то случилось?», словно знал, что на самом деле что-то произошло, словно хотел, чтобы я непременно спустился вниз.

В моей голове сразу возник один сценарий.

После припадка я уснул, а, пока спал, домой вернулся Хэчжин. По какой-то причине он набросился на маму, она попыталась убежать, но он поймал ее и убил. Потом решил подставить меня – поднялся на второй этаж, оставил в моей комнате кровавые следы и облил меня кровью, затем спокойно ушел из дома.

Я быстро сдал назад, отказавшись от этой мысли. Я закрыл дверь в комнату Хэчжина и сразу забыл про этот сценарий – и не сценарий вовсе, чего уж там, бред сумасшедшего. Я слишком хорошо знаю Хэчжина. Мы прожили бок о бок десять лет, и я вижу его насквозь. Тогда бы уж мама, скорее, убила Хэчжина, чем он ее. И дело тут не в их отношениях, а в самом Хэчжине – он и мухи не обидит. Самым серьезным в его жизни проступком был такой случай: перед самым окончанием средней школы он вдруг решил сходить на фильм 18+. Да и то попросил пойти вместе с ним маму – его опекуншу – и еще и меня в придачу…

Я открыл дверь в прихожую и осмотрел ее. На полу на коврике стояли четыре пары обуви. Тапочки мамы и Хэчжина, белые кроссовки мамы и пара черных мокрых кроссовок, перепачканных грязью. Эти кроссовки принадлежали мне, но я обычно не оставляю их в прихожей. Я прячу их в нише под потолком в своей ванной и достаю, когда выбираюсь из дома через крышу. Если бы вчера я вернулся через крышу, эти кроссовки не стояли бы здесь. Значит, это первое доказательство того, что вчера ночью я вернулся через парадную дверь.

Одно было странно: мамины кроссовки тоже были мокрыми. Их словно окунули в воду. Я попытался вспомнить, во сколько вчера вечером вернулся с вечеринки. В тот момент, когда я боролся со входной дверью, мама вышла именно в этих белых кроссовках. Они тогда были мокрыми? Этого я вспомнить не смог. Учитывая мамин характер, логично было предположить, что она вряд ли вышла из дома в мокрых кроссовках. Тогда она выходила в них из дома еще раз. Причем поехала куда-то не на машине, а побежала под дождем, как и я.

Я закрыл за собой дверь и обернулся. У двери лежали черная водонепроницаемая ветровка и стеганый жилет под куртку. В них я выходил из дома вчера ночью. Как и с кроссовками, было непонятно, почему они валяются здесь. Я попытался ответить на вопрос, как это получилось.

Услышав крик мамы, я вбежал домой через парадную дверь и на полу перед кухней увидел лежащую окровавленную маму. Я снял с себя мокрую ветровку и жилет, кинул их у двери и зашел внутрь… Какой бред! С того момента, как я проснулся, я не мог найти ни одного логичного объяснения происходящему, но это была самая большая чушь.

Я нагнулся и поднял куртку с жилетом. В это мгновение откуда-то послышалась мелодия «Акуна матата» из мультфильма «Король лев» – рингтон на мамином мобильнике, недавно ею установленный. Кажется, звук раздавался где-то рядом с диваном в гостиной.

Я схватил куртку и бросился в гостиную. Искать сотовый не пришлось, я сразу его увидел. Он все это время лежал на краю столика. Мама часто оставляла его там. Я не заметил его, когда звонил в полицию. На экране неожиданно высветилось имя.

Хэвон

Зачем звонит тетя? Причем так рано и в тот день, когда произошло убийство мамы. Звонок раздался несколько раз и прекратился. Но сразу зазвонил домашний телефон. И на этот раз звонила тетя. На экране высвечивалось время 6:54. Хэчжин и тетя – два телефонных звонка с интервалом в полтора часа. Сам собой напрашивался вопрос: мама звонила вчера ночью им обоим?

Я взял сотовый мамы, чтобы получить ответ на этот вопрос. Разблокировать телефон не составило никакого труда: я знал маму так же хорошо, как она – меня. В 1:30 мама звонила Хэчжину, но они не разговаривали, а в 1:31 – тете, их разговор длился три минуты. Значит, мама была жива как минимум до 1:31.

Я вернулся к своему последнему вчерашнему воспоминанию – в полночь. Я ясно помнил, что у перехода неподалеку от мола увидел женщину, которая вышла из

последнего автобуса, следующего в Ансан. Оттуда до дома примерно два километра. Это немного, но и не мало – двадцать минут пешком, пятнадцать быстрым шагом и минут десять бегом. Если я бежал домой, значит, примерно в 12:10 я вошел в подъезд. Если добавить время подъема по лестнице до квартиры, то перед входной дверью я был в 12:15. Даже если – хотя мне запомнилось обратное – домой я шел неспешным шагом, я бы стоял перед квартирой в 12:30.

Итак, в 12:30 я вошел в гостиную, а мама погибла в пространстве между гостиной и кухней уже позже – в 1:34.

В голове все перепуталось. Было такое ощущение, что я ввязался в странную игру. Расхождения во времени, целый клубок противоречий – я уткнулся в тупик. Даже «кто-то», за которым я только что гонялся по всей квартире, исчез из поля моего зрения. Возможно, я изначально что-то упустил. Что-то важное, но невидимое. То, что логично все соединит и сделает понятным.

С курткой и телефоном в руках я повернулся к маме. Она спокойно лежала на спине в луже крове. Было похоже, что она спит… Только теперь я заметил то, что до этого упускал из виду. Мама лежала в неестественной для убитого человека позе. Разве возможно, чтобы человек с перерезанным горлом, падая, стряхнул волосы себе на лицо, аккуратно сложил на груди руки, спокойно лег на спину и скончался?

Когда я подошел поближе к ее ногам, в глаза бросились кровавые потеки, которые я раньше не приметил. Было ясно, что кто-то тащил вниз по лестнице нечто тяжелое, а именно тело мамы. На ступеньках были такие же потеки. Рядом с тянущейся кровавой дорожкой отпечатались следы ног. Сперва они вели вниз, а потом стали подниматься вверх. Четкие, как отпечатки пальцев, следы; тело мамы, лежащее головой к прихожей. В мозгу у меня сразу возникла гипотеза.

Кто-то убил маму на лестничной площадке, стащил ее тело вниз и оставил в позе, в которой она лежала сейчас.

Однако эта версия не объясняла самого главного – «почему» и кто «он». Если это не взломщик и не Хэчжин, в таком случае, остается только один человек… Я сразу же испугался ответа, обернулся к маме и невольно покачал головой. И

тогда мне вспомнились слова Реалиста. Лучше скажи, что мама сама перерезала себе горло.

Да, это возможно. Возможно, по какой-то причине мама сама перерезала себе горло на лестничной площадке, а я отчего-то не смог этому помешать. Может быть, в это время я был на грани припадка. Или из-за надвигающегося припадка я был в сонном состоянии, как медведь-шатун зимой. Мама упала и покатилась вниз по лестнице, а я спустился следом за ней и уложил ее возле кухни в позе спящего человека. Видимо, это был тот минимум неотложной помощи, на который я был способен в тот момент. Я был не в себе и, видимо, счел, что это решит все проблемы. Не удивлюсь, если я даже пожелал маме спокойной ночи.

В голове забрезжил свет надежды. Если я пойму, почему она перерезала себе горло и почему я не остановил ее, то смогу вызвать полицию, не навлекая подозрение на себя. Я смогу разгадать эту загадку или хотя бы разложить все по полочкам, надо только хорошенько постараться. У меня талант подгонять факты и выстраивать их в правдоподобную логическую цепочку. Правда, мама всегда недооценивала эту мою способность, называя ее «умением приврать».

Я быстро побежал по лестнице вверх, стараясь ни до чего не дотрагиваться и обходить следы. Кровавая лужа на лестничной площадке между пролетами была намного больше, чем на первом этаже. Следы ног повсюду хаотично расходились во все стороны. Оставивший их человек не знал, очевидно, куда ему направиться и что делать.

Ючжин! – тихо звала мама из темноты памяти, стараясь справиться с эмоциями. Вместе с тем голос ее был властным, на который следовало отвечать только односложным «да». Я невольно остановился и повернулся к деревянной стене, целиком залитой темной кровью. Среди кровавых разводов я увидел себя, прислонившегося к этой стене, словно кто-то загнал меня в угол. Я задержал дыхание.

Где ты был?

Когда я уже слышал этот голос? Вчерашней ночью? Или возвращаясь с мола? Слабый свет мерцал в самом низу моего сознания, похожего на грязную лужу. Но как только я моргнул, этот свет погас, мой образ на стене бесследно исчез, а голос мамы растворился в воздухе. Я поднялся на второй этаж и пошел по

коридору, следуя параллельно следам, оставшимся на мраморном полу. Я с силой наступал на пятки, но все равно казалось, что мое тело скользит, едва касаясь пола. Я взялся за окровавленную ручку двери, повернул ее и вошел в свою комнату. Только я оказался у изножья кровати, как неожиданно вновь послышался голос мамы.

Стой там!

Я остановился рядом с последним следом, жирной точкой завершавшим их вереницу. Размер ноги совершенно совпадал с моим. Я неуверенно повернул голову и оглядел комнату. Чуть приоткрытая стеклянная дверь, отодвинутые в сторону жалюзи, мерцающий в темноте свет фонаря под навесом, прибранный стол, потом стул, на спинке которого висела домашняя одежда, радиотелефон на тумбочке, окровавленные подушки и одеяла. Мобильник мамы выскользнул из моей руки на пол. Я наконец-то понял, что все зацепки и обстоятельства указывали только на одного человека. И этим человеком был я.

Я присел на краю кровати. Выпрямив спину, я изо всех сил старался опровергнуть тот факт, который я только что осознал. Если этот неизвестный «кто-то» – я, то как ответить на вопрос «почему». Вчера ночью я вернулся домой примерно в 12:30. Мама, видимо, перехватила меня у двери и долго выпытывала, где я был. Она наверняка сразу заметила, что у меня вот-вот начнется припадок. А раз так, несложно было догадаться, что я перестал принимать лекарство. Она, конечно, начала читать мне нотации своим тихим вкрадчивым голосом. Но этого все равно недостаточно, чтобы получить ответ на вопрос «почему». Если бы все дети убивали своих мам только из-за того, что те их ругают, сколько бы мам осталось в живых?

Я весь сник. Все это никак не меняло ситуацию. Никто не поверил бы моим словам, а мне был крайне необходим человек, способный мне поверить – независимо от того, что говорят другие, независимо от доказательств. Мне был нужен человек, который поверит только мне. И я вспомнил такого человека. Мой взгляд упал на ветровку с капюшоном, которую я крепко держал в руке. На спине была синяя надпись «Частный урок». Поверит? Он мне поверит? Он защитит и поможет мне решить эту проблему?

Я вспомнил один августовский день прошлого года. Накануне я сдал тест по праву LEET[1 - Тест по праву LEET (Legal Education Elegibility Test) – вступительный тест для юридических вузов в Корее.] и с легкой душой сел на

поезд, следовавший до города Мокпхо. Я поехал по приглашению Хэчжина.

В то время Хэчжин работал на съемках фильма «Частный урок», которые проходили на острове Имчжадо, где он находился уже третий месяц. Он, наверно, чувствовал себя очень одиноко в этой глуши, поэтому звонил мне чуть ли не каждый день, а если немного выпивал, то почти каждый час. Хэчжин постоянно звал меня к себе.

– Я хочу обязательно кое-что тебе показать.

– Что?

– Приедешь – увидишь, – отвечал он. Каждый раз я соглашался, но совершенно не относился к приглашению всерьез. В то время я мучился страшными головными болями, и мне было не до чего. Кроме того, я усиленно готовился к тесту, поэтому некогда было думать об этом острове. Но самым главным препятствием была мама, мне даже заговаривать с ней об этом не хотелось.

Хотя мне было двадцать пять лет, я до сих пор никуда не ездил один – ни в путешествие бэкпэкером, ни на языковую стажировку за границу, что позволяли себе почти все. Даже когда я хотел сбежать от мамы в армию, она сделала все, чтобы мне в этом воспрепятствовать, и я остался на альтернативной службе в районной администрации. Причина была все та же, по которой мне был предписан и комендантский час, обязывающий возвращаться домой не позднее девяти, – это вероятность припадка, который мог неожиданно начаться в незнакомом месте.

Вечером за ужином, в день теста, я ответил на звонок Хэчжина.

– Завтра у нас последний день съемок, обязательно приезжай. Переночуешь и вместе вернемся домой, – предложил он.

Я не смог сразу ему ответить, потому что боялся мамы. Догадливый Хэчжин попросил передать трубку ей: «Я сам попрошу маму».

Кто-кто, а уж Хэчжин умел ее убеждать. Она молча его выслушала и сказала: «Хорошо». Само собой, не обошлось без ее бесконечных напутствий. Не забывай

принимать лекарство. Не пей. Не создавай другим неудобств… А когда она провожала меня до вокзала, добавила еще вот что. Не заплывай далеко. Словно совсем забыла, что ее сын в свое время был подающим большие надежды пловцом.

До самого Мокпхо я ехал в приподнятом настроении. Поездка в автобусе, который следовал до Синана, тоже прошла без сучка и задоринки. Проблемы начались после того, как я сел на паром. Примерно двадцать минут, пока я плыл до острова Имчжадо, у меня были галлюцинации – солнечные лучи жгли глаза, а металлический запах врывался в мои ноздри. Я не совсем понимал – предвестники это припадка или нет. Неприятный запах, напоминающий запах крови, и жжение в глазах вполне могли оказаться симптомами солнечного удара.

Мне не пришлось бы ломать над этим голову, принимай я лекарство. Однако за два дня до теста я перестал его пить. Это был самый первый раз – с тех пор, как в возрасте пятнадцати лет со мной впервые случился припадок, – когда я отказался от лекарства. Изначально я планировал пропустить его прием непосредственно в день теста и снова начать принимать его вечером. Но передумал, когда мне позвонил Хэчжин. Я решил продолжить пить лекарство после возвращения с острова. Я подумал, что продержусь пару дней и со мной ничего не случится. К тому же мне хотелось подольше насладиться свободой.

Когда паром добрался до причала острова Имчжадо, галлюцинации усилились, я даже не мог нормально открыть глаза. А когда я сел в такси, металлический запах пронизывал все вокруг. По спине ручьями лился пот, но мне было жутко холодно. Теперь я знал точно – скоро у меня начнется припадок, однако возвращаться домой было уже поздно. Осталась единственная спасительная соломинка – скорее добраться до пункта назначения, до того места, где остановился Хэчжин. Я попросил таксиста что есть мочи нестись к заливу Хаори. Водитель ответил:

– Ладно, попробуем.

Пока машина летела вперед, я дремал, но временами мне казалось, что я теряю сознание. Услышав, как водитель окликнул меня, я открыл глаза и увидел, что он повернулся ко мне и трясет меня за колено.

– Приехали.

Такси остановилось прямо у залива. Я с трудом выбрался из машины. Благо идти было совсем близко, поскольку съемки проходили прямо на берегу залива. По молу бежали двое мужчин, за ними следовали операторы с камерами, рядом ехала машина, разбрызгивавшая воду на актеров. У аппаратуры сгрудились члены съемочной группы. За ограждениями толпились зеваки, пришедшие поглазеть на то, как снимается кино. Я остановился примерно в десяти метрах от них, соображая, где бы мне укрыться и прилечь. Потому что мое тело уже было словно заточено в раскаленный куб белого света. Я был на грани, мир исчезал из поля моего зрения. Последний звук, который донесся до меня из реальности, был, как мне показалось, голосом Хэчжина.

– Ючжин.

Открыв глаза, я понял, что лежу на спине в неизвестном месте. Все передо мной было размыто, но я сразу узнал смотрящие на меня глаза.

– Очнулся? – спросил Хэчжин. Из сухого горла с трудом вылетело «да», и у меня началась безумная головная боль. Обычно она страшно колола где-то за глазами, но на этот раз ужасная тяжесть сковала всю голову.

– Ты видишь меня?

Я увидел пляжный зонт над Хэчжином, ощутил мягкую подушку под головой и почувствовал, что у меня мокрые штаны. Они были прикрыты черной ветровкой. Наверно, я описался во время припадка, и меня своей курткой прикрыл тот, кто сидел теперь рядом со мной и внимательно оценивал мое состояние.

– Ничего не болит?

Ломило все тело. Я, наверно, скрежетал зубами, поэтому болел даже подбородок. Судя по всему, припадок был страшным. Из-за зонта доносились голоса людей. Я моментально представил себе, как падал у них на глазах. Представил, как ко мне побежал Хэчжин. Он взял откуда-то зонт, чтобы укрыть меня от лишних глаз, подложил под голову подушку и принес свою куртку, чтобы прикрыть мои мокрые штаны. Я очень хотел вернуться домой.

– Ты можешь встать?

Я молча поднялся и сел. Хэчжин остановился в частной гостинице прямо у залива. Пока я мылся и переодевался в ванной, Хэчжин собрал вещи и вызвал такси. Он сказал, что поедет домой вместе со мной. Это был последний день съемок, и дольше присутствовать ему было не обязательно, разве что на вечеринке по случаю окончания съемок.

Я прекрасно знал, что значит для Хэчжина кино. Он мечтал о нем с двенадцати лет, а, возможно, и раньше. Именно эта мечта помогала ему, когда он жил с дедушкой-пьяницей и когда после его смерти остался сиротой. Три месяца, которые он провел на острове Имчжадо, открывали ему дверь в мир, о котором он так мечтал. Скорее всего в тот последний вечер он очень хотел остаться на острове и отметить это.

Я прекрасно осознавал все это, но не стал отговаривать Хэчжина. Мне совсем не хотелось возвращаться домой одному. У меня было ужасное настроение, я боялся даже выйти из комнаты. Из-под ребер вверх поднимался очень странный холод. Меня знобило, будто я простудился. До прибытия такси я сидел, съежившись в углу. От ветровки Хэчжина с надписью «Частный урок», которая была наброшена на меня, исходил запах, по которому я так скучал. Запах травы на пустыре, запах, который я каждую ночь ощущал от своего брата, когда мокрым залезал к нему под одеяло.

Через час мы уже сидели на палубе парома, который следовал в Чонам. Время от времени Хэчжин спрашивал, не голоден ли я, а я в ответ качал головой. Когда же он спрашивал, все ли в порядке, я кивал. Так чудновато мы общались. Над каменными островами, проплывающими по обе стороны от парома, светило вечернее солнце. Закат раскрасил небо оранжевым цветом, а на море, словно языки пламени, плескались волны. Брызги от винта, бурные всплески у кормы и даже ветер были красного цвета. Старенький паром плыл очень быстро, словно моторная лодка, носом рассекая море огня.

– Убийственный закат, правда? – спросил Хэчжин. Я встал лицом к морю, расстегнул молнию на куртке и вдохнул горячий воздух глубоко в легкие. Холод, который замораживал мою грудь, вдруг растаял.

– Я же тебе говорил, что хочу кое-что тебе показать. Помнишь? – Хэчжин встал рядом и смотрел туда же, куда и я. – Именно это.

Я скинул капюшон и посмотрел на него в упор. Его глаза улыбались на фоне заката. Тогда я подумал, что это его мне подарок. Мама бесконечно вливала в мою кровь страх, а Хэчжин был человеком, согревающим мое сердце, как вот этот закат. Он всегда был на моей стороне. Так было и в тот ужасный холодный день. Поэтому мне очень хотелось поверить в то, что и теперь он примет мою сторону. Нет, я уже в это верил.

Я приподнялся и взял с тумбочки телефон, медленно и четко нажал десять цифр. Когда раздался гудок, мне на глаза попалось «что-то», валявшееся между кроватью и тумбочкой. С телефоном у уха я нагнулся и поднял это «что-то». Раскрытая опасная бритва с одним лезвием. На длинной деревянной ручке и на лезвии были засохшие следы крови.

– Алло!

На другом конце провода раздался голос Хэчжина.

#

– Мама? – Голос Хэчжина уплывал все дальше и дальше. Я пристально смотрел на бритву, моя душа кричала. Это было так страшно, страшнее, чем если бы топор отсек мне ногу.

– Это Ючжин?

Ногтем большого пальца я соскреб с ручки запекшуюся кровь. На том же месте, где и всегда, я увидел инициалы.

H. M. S.

Инициалы отца. Бритва отца. Бритва, которую я несколько месяцев назад взял из коробки в кабинете и принес к себе в комнату. Без особой на то причины. Но, по правде говоря, для меня это была память об отце.

Я не помню, как он двигался, не помню его манеру говорить и даже лицо его едва помню. У меня почти не осталось воспоминаний о нем. Я только помню, как он каждое утро брил в ванной перед зеркалом свою густую, как у разбойника, растительность. В одно такое утро у меня был сильный запор, и я долго сидел на унитазе, наблюдая, как с пеной исчезают его усы и борода. Особенно я любил звук лезвия, скользящего по лицу. Я спрашивал папу, что он чувствует, когда бреется опасной бритвой. Не помню дословно, что он сказал, но суть ответа заключалась в следующем. Такое приятное ощущение, словно бритва срезает даже корни под кожей, не оставляя темных следов от бороды и усов. Но чтобы правильно ей пользоваться, необходимо хорошенько приноровиться. Пока не научишься, подбородок постоянно будет в порезах. Да и лезвия надо менять очень часто. Зато все это окупается приятным ощущением после бритья, несравнимым с тем, что оставляют другие бритвы. Я точно помню, что ответил ему на это. Я попросил папу оставить мне его бритву в наследство после смерти. Помню, как лицо отца, скрытое под слоем пены, превратилось в улыбающуюся свиную мордочку. Под ноздрями дрожали пузырьки пены, глаза вытянулись узкой дугой, словно брови, а из плотно сжатого рта вырвались булькающие звуки, напомнившие катящуюся гальку. Я подумал тогда, что отец засмеялся, и поэтому потребовал, чтобы он пообещал мне это немедленно. Папа ответил, что точно не знает, когда умрет, но после смерти обязательно оставит бритву мне. Я протянул ему большой палец, и он с удовольствием скрепил наш договор печатью, прижав свой палец к моему. Мама вряд ли узнала об обещании отца. И мне совсем не хотелось ей долго все объяснять и настаивать на том, что бритва принадлежит именно мне, поэтому я просто забрал ее втайне от мамы.

– Алло! Алло! – Голос Хэчжина становился громче. Я с огромным усилием еле-еле произнес:

– Да, это я!

– Придурок, а я уже было подумал… – Он начал говорить тихо, будто успокоился, но потом стал раздражаться: – Почему ты не отвечал? Я так перепугался.

– Я слушаю, говори, – небрежно ответил я.

Хэчжин возмущенно хмыкнул:

– Что значит «говори»? Ты же мне сам позвонил.

Точно, это же я ему позвонил. Я собирался попросить его о помощи. Я поднял руку, в которой была бритва, и поднес лезвие к подбородку. Я никогда ей не брился, она была просто воспоминанием о папе. Да, и усы появились у меня после двадцати одного. В отличие от папы, волосы у меня росли не так густо, и их легко можно было сбрить обычной электрической бритвой. Папину бритву я прятал в ванной в нише под потолком, чтобы ее не нашла мама, и никогда не носил ее с собой, за исключением вчерашней ночи, когда я положил ее в карман куртки с надписью «Частный урок».

– Ючжин?! – позвал меня Хэчжин, а я совершенно лишился дара речи, хотя до того, как обнаружил отцову бритву, чувствовал, что у меня было много чего ему сказать.

– Ты сейчас где? – еле выдавил я из себя.

– Я только спустился в метро. У меня разболелся желудок, поэтому перед выходом я сварил себе рамен.

Вряд ли одну порцию, наверняка сразу две. У Хэчжина была привычка, унаследованная им от дедушки-пьяницы, который каждый божий день был подшофе, – съедать по утрам с похмелья по две порции рамена. Наверно, сейчас я должен был быть благодарен старику – ведь именно из-за этого Хэчжин все еще находился в районе Санамдон.

– Зачем звонишь? Что-то случилось?

Сперва я хотел ответить «нет», но передумал и сказал «да». Я не знал, чем мне это поможет, но решил хотя бы потянуть время.

– У меня к тебе одна просьба.

Хэчжин молчал, ожидая, что я скажу дальше.

– Ты помнишь ресторан на острове Ёнчжондо, где мы ели сашими в мамин день рождения?

– Аааа… «Леон»?

– Да нет, «Леон» – это кафе. Если пройти еще метров пятьдесят от него, то прямо на берегу моря будет этот ресторан, называется «У Косиля».

Хэчжин опять сказал: «Ааа…»

– Вчера после вечера, устроенного в честь преподавателей, мы пошли туда и продолжили праздновать.

Говорят, обычный человек в среднем врет восемнадцать раз в час. Тогда мой результат превышает среднестатистический не только количественно, но и качественно. Честность вообще не моя сильная сторона. Стоит мне захотеть, и я без труда сочиню такую вот правдоподобную историю.

– Я забыл там свой сотовый, но не могу поехать туда прямо сейчас. До обеда я должен отправить материалы заведующему кафедры, еще сегодня вывесят результаты экзамена, нужно проверить, сдал я его или нет.

– Результаты будут известны уже сегодня?

– Да.

Хэчжин, как я и планировал, сразу предложил:

– Я поеду и заберу его. Не переживай.

– Тот ресторан открывается не раньше десяти, тебе нормально?

– Ну, подожду за чашечкой кофе в «Леоне».

Я решил проверить, как он собирается туда добраться:

– Если ты устал, поезжай на такси, я потом отдам тебе деньги.

– На такси? Ты с ума сошел? До острова Ёнчжондо слишком далеко.

Это означало, что он поедет на автобусе. О такси можно было даже не заикаться.

– А мама встала? – спросил Хэчжин, когда я уже собирался положить трубку. Я сразу нажал кнопку «конец связи», словно не услышал его последних слов. Поставив телефон на место, я начал думать о маме, лежащей в гостиной. Кровавые следы по всему дому можно было объяснить по-разному, но окровавленная бритва отметала все эти версии. Она была орудием убийства, которое прошлой ночью лежало в кармане моей куртки, а сегодня утром нашлось под моей кроватью. И бритва принадлежала мне. Я не мог представить себе, как этот факт примет Хэчжин и как на него отреагирует. А как он воспримет смерть мамы? Испугается, расстроится или разозлится? А узнав о моем затруднительном положении, он все равно поверит мне и встанет на мою сторону?

Вдруг я вспомнил последний день зимы одиннадцать лет назад – за два месяца до смерти дедушки Хэчжина. Мне было четырнадцать, а Хэчжину пятнадцать. Мы заканчивали среднюю школу. Я, подчиняясь маминой воле, выбрал гуманитарную школу, где мог параллельно с учебой заниматься и спортом. Хэчжин, который хорошо учился, смог поступить в престижную гимназию, но в итоге выбрал училище культуры и искусства. Классный руководитель настаивал на гимназии, но сломить упрямство Хэчжина ему не удалось. Хэчжину обещали бесплатное трехлетнее обучение и вдобавок ко всему предлагали ежемесячную стипендию – видимо, это и стало решающим фактором при выборе. Еще он верил, что эта школа поможет ему осуществить давнюю мечту. По правде говоря, у него и не было другого выбора.

В то время Хэчжин был главой семьи. Когда ему было три года, его родители погибли в автокатастрофе, а вырастивший его дедушка уже несколько месяцев лежал в больнице с почечной недостаточностью и циррозом печени. Никто не мог сказать, когда его выпишут. Хэчжин был самым занятым учеником во всем мире: он практически жил в больнице, ухаживая за дедушкой, днем еще ходил в школу, а по ночам подрабатывал на соседней заправке за 2900 вон в час.

Хэчжин и дедушка жили в постоянной нужде. Дедушка получал социальное пособие и зарабатывал гроши, собирая и продавая макулатуру. На эти деньги они еле-еле сводили концы с концами. Несмотря на бедность, дедушка был категорически против того, чтобы Хэчжин подрабатывал. Пусть он много пил и сильно нуждался, но совесть не позволяла ему перекладывать на своего маленького внука заботы о пропитании. Дедушка все время повторял: «Ты только учись, за все остальное отвечаю я». Но когда он попал в больницу, Хэчжину пришлось самому зарабатывать на жизнь.

В то время я тоже был постоянно занят – усиленно готовился к чемпионату по плаванию среди юниоров, который должен был пройти в Новой Зеландии. Из-за этого мы с Хэчжином почти не виделись. Я слышал о нем только от мамы, которая ежедневно приходила ко мне в бассейн. Судя по тому, что она знала весь распорядок дня Хэчжина, она, видимо, каждый день носила в больницу продукты.

Последний день две тысячи пятого года тренер освободил нас на полдня, отменив послеобеденную тренировку. Он велел нам поехать домой, вкусно поесть, а наутро в первый день нового года к девяти вернуться в бассейн. Понятия не имею, как мама разузнала про это, но не успел я выйти, как она уже ждала меня во дворе бассейна. У нее было очень хорошее настроение. Прямые волосы до плеч, белое пальто, которое я ни разу раньше не видел, красивое лицо с макияжем. Она немного волновалась. Я сел к ней в машину, пристегнулся и спросил:

– Ты куда-то собираешься?

– В район Тонсундон, – ответила мама, не объясняя зачем.

И мы поехали. Однако, машина остановилась у главного входа в больницу, где лежал дедушка Хэчжина. Я был в полном недоумении. Из здания выбежал Хэчжин. Я отстегнул ремень, собираясь выйти из машины. Я понял эту ситуацию по-своему и решил, что мама оставляет меня с Хэчжином, а сама поедет в Тонсундон.

– Не выходи, – остановила меня мама, а Хэчжин улыбнулся мне и сел к нам на заднее сиденье.

– С Новым годом! – сказала мама Хэчжину.

– И вас, мама!

Хэчжин протянул что-то из-за спины. Это была большая конфета в форме сердца, размером с мамино лицо, в середине которой была надпись:

The apple of my eye[2 - Свету моих очей! (англ.)].

На мамином лице появилась улыбка, щеки зарделись, в глазах читалось смущение. Помню, именно в тот день Хэчжин впервые назвал ее мамой. Возможно, именно поэтому она застеснялась или ее просто тронула надпись на подарке. А может, по обеим причинам. Но я никогда не видел ее такой.

– А дедушка тебе разрешил? – спросила мама, аккуратно положив конфету на приборную панель. Хэчжин широко улыбнулся.

– Дедушка думает, что я пошел на работу.

Мама смотрела в глаза Хэчжина через переднее зеркало и улыбалась, словно между ними был заговор. Всю дорогу они то и дело так переглядывались, по-прежнему не объясняя мне, куда мы едем и зачем. А я и не спрашивал – раз сказали в Тонсундон, значит в Тонсундон. Время от времени Хэчжин задавал мне какой-нибудь вопрос о моей жизни и тренировках, а я каждый раз односложно отвечал: «хорошо», «да», «нет», «не знаю». Когда разговор прерывался, его подхватывала мама. В основном говорили о состоянии здоровья дедушки или о книгах и фильмах, которые знали только они. Мы долго простояли в ужасной пробке и, наконец, добрались до улицы Тэханно. Маме пришлось дважды объехать парковку, прежде чем она отыскала свободное место и запарковалась.

– Пойдемте.

Мы шли по празднично освещенной улице, заполненной толпами людей. Идти рядом, бок о бок друг с другом, было трудно. Едва мы сделали несколько шагов, как прохожий толкнул маму плечом, и она чуть не упала. Я протянул руки, но маму уже успел поддержать Хэчжин. Еще пара шагов, и маму опять толкнули, тогда Хэчжин обнял ее за плечи и повел сквозь толпу. Мне ничего не оставалось,

как брести следом за ними.

Через некоторое время мы вошли в итальянский ресторан, в нем было совсем тихо, и казалось, будто мы очутились в другом мире. Я все еще не знал, зачем мы приехали в этот район, да и знать особо не хотел. Мама взяла в руки стакан с соком и с грустью сказала, что состарилась на целый год, но рада тому, что мы с Хэчжином стали на год взрослее. Тогда я подумал, что мы приехали, чтобы отметить последний день уходящего года. Теперь я уже не помню вкуса еды, которую мы заказали, значит, она была не очень-то вкусной или просто у меня было плохое настроение.

Все казалось мне очень странным. Хэчжин, оставаясь со мной наедине, вел себя так, словно был мне самым близким другом. То же самое и мама – она всем своим видом показывала, что живет только ради меня. Но стоило нам оказаться всем вместе – втроем, и моя персона сразу отходила на второй план. Это получалось само собой и было мне не очень приятно. Но хуже всего я чувствовал себя оттого, что из-за этих мыслей казался себе мелочным.

Примерно через час мы вышли из ресторана. Мама с Хэчжином снова вместе пошли по улице, которая стала еще более людной. По дороге мама купила в киоске два одинаковых клетчатых шарфа – мне зеленый, а Хэчжину желтый – и накинула их нам на шеи, сказав, что это подарок к Новому году. Она говорила, что шарфики очень нам идут, но смотрела только на Хэчжина.

Чувства мамы по отношению к Хэчжину были уже не просто симпатией к другу сына. На самом деле это началось гораздо раньше, когда мы подружились в первом классе. Каждый раз, когда я был виновником торжества – во время празднования моего дня рождения, на соревнованиях, когда Хэчжин, обняв меня, поздравлял с победой, – мама смотрела только на него, ее глаза при этом были бесконечно нежными и теплыми. Так она всегда смотрела на моего умершего брата.

Мама и Хэчжин остановились у кинотеатра «Гипертек Нада». У входа висела афиша «Последнее предложение от Нады». Когда мама отошла купить билеты, я спросил у Хэчжина:

– Зачем мы сюда пришли?

– Ты чего? Ехал и ничего не знал? – Хэчжин захихикал, а мне стало неожиданно душно от шарфа на шее. Воздух вокруг меня становился жарким. Я сдернул с себя шарф и, держа его в руке, сел на стул. Я что вам, гадалка? Вы же ничего не говорите, откуда мне тогда знать?

«Последнее предложение от Нады» – название кинофестиваля, который ежегодно проходит в этом кинотеатре. На нем обычно показывают не самые кассовые, но наиболее значимые фильмы года. В программе было двадцать четыре киноленты, в тот день шла бразильская картина «Город Бога». Сходить на нее предложил Хэчжин. Он хотел посмотреть этот фильм, еще когда он только вышел в прокат, но не смог, потому что это было кино для взрослых. Услышав, что фильм решили показать на фестивале, он подумал о моей маме, надеясь, что если она пойдет вместе с ним, то его на сеанс пустят.

Как он и ожидал, мы спокойно прошли в зал и сели на свои места. Фильм был настолько захватывающим и веселым, что я даже забыл о своем плохом настроении. Действие развивалось в фавелах Рио-де-Жанейро. Бедность, наркотики, высокий уровень преступности, малолетние бандиты, которые вместо учебников держат в руках оружие. Главными героями были два мальчика, пути которых разошлись в детстве. Первый мечтал стать фотографом, второй – королем улиц.

Я начал смеяться с первых кадров, когда на экране появился убегающий петух. А когда Малыш Зе, обманув свою банду, ворвался в отель и открыл там стрельбу, я захохотал во весь голос. Я хохотал и хохотал, но вдруг понял, что во всем кинотеатре смеюсь лишь один я. Мама смотрела на меня – ее глаза блестели в темноте и спрашивали: «Что тут смешного?»

Было видно, что у мамы испортилось настроение. После фильма, пока мы шли на парковку, она все время молчала. Хэчжин тоже шел молча, глядя прямо перед собой. Я и на этот раз плелся за ними. Я не понимал, что случилось, от этого у меня разболелась голова.

– Мне не по себе. – Мама открыла рот, только когда завела машину: – Особенно страшно то, что фильм основан на реальных событиях, жизнь может быть такой печальной…

Наконец я понял, почему мама так странно смотрела на меня в кинотеатре. Фильм, который я воспринял как интересную и захватывающую историю, на деле оказался очень грустным и страшным. А я никак не мог взять в толк, что же там было такого страшного и грустного.

– Счастливые истории в большинстве своем неправда, – ответил маме Хэчжин. Я обернулся и посмотрел на него. – Надежда не уменьшает отчаяния. Жизнь – это не математика, люди очень сложные существа, всего не просчитаешь.

Взгляд Хэчжина был направлен на меня. «Я прав?» – спрашивали его глаза, но я не смог ему ответить – я не совсем понимал, о чем он говорит. Он был старше меня всего на год, но, по мне, так на все десять лет. К тому же был крупнее меня раза в два. Он, скорее, казался ровесником мамы.

– Ты думаешь, что мир несправедлив? – спросила мама.

Хэчжин, чуть помолчав, ответил:

– Да, но я верю, что он может измениться, если мы будем к этому стремиться.

Хэчжин смотрел в окно. Мама молча следила за ним, поглядывая в зеркало, а я смотрел вперед. Мама снова заговорила, лишь когда мы встали на светофоре недалеко от Кванхвамуна.

– Как тебе фильм?

– Я где-то читал на него отзыв. Там было сказано, что если бы Тарантино снял «Крестного отца», то получилось бы нечто подобное. Мне было интересно, правда ли это… Теперь я понял, что они имели в виду.

Так понравился или нет? Мое любопытство удовлетворила мама:

– Ага, значит, тебе понравилось.

– Да, – ответил Хэчжин. Он больше ничего не говорил о фильме, но, может быть, продолжал думать о нем про себя. Загорелся зеленый, и машина уже было тронулась с места, как где-то неподалеку раздался звон колокола. Часы в

машине показывали двенадцать. Значит, звонил колокол Посингак, возвещающий начало нового года. Мама поехала дальше. В машине было тихо: каждый из нас думал о чем-то своем, пока мы не добрались до больницы.

– Спасибо за сегодняшний день, – сказал Хэчжин, открывая дверь, мама тоже вышла из машины. Я остался сидеть на своем месте и молча наблюдал за их прощанием. Хэчжин поклонился, мама протянула ему руку, будто перед ней стоял не пятнадцатилетний подросток, не друг сына, а состоявшаяся взрослая личность. Хэчжин поколебался и пожал маме руку. Они секунд пять молча смотрели друг на друга, но мне показалось, что за такое короткое время они в чем-то убедились. В чем-то, что невозможно выразить словами, в чем-то, что я вообще не мог понять.

Мама села обратно в машину, а Хэчжин стоял на месте. Желтый шарф развевался в темноте. Только в тот момент я понял, что мой шарф исчез. Наверно, обронил где-то, после того как его снял и держал в руке. Может быть, когда хихикал во время фильма, и наши с мамой взгляды встретились? Или в тот момент, когда Малыш Зе стрелял под ритм самбы? В ушах, словно кто-то включил радио, послышалась реплика главного героя по кличке «Ракета».

У каждого правила есть исключение, которое потом становится правилом.

У моей мамы был только один сын – я. Это было правилом. Исключением стал Хэчжин, который в марте следующего года стал приемным сыном моей мамы и незаметно занял место моего старшего брата. То есть исключение обернулось новым правилом…

Я опять посмотрел на бритву в руке. Улики, свидетельствующие о том, кто убийца, были повсюду. Имелось также и орудие убийства. И ни одной зацепки, указывающей на обратное. А тот, кто является убийцей, ничего не помнит. Как Хэчжин воспримет эту ситуацию? Что бы он меня ни спрашивал, у меня для него только один ответ – оправдание, к которому уже тысячу лет прибегают преступники: я ничего не помню. Поверит ли этим словам Хэчжин или заявит в полицию? Возможно, он предложит мне явиться к ним с повинной. Я, конечно, не смогу так поступить. Меня арестуют или я сдамся сам, но это будет потом. Сейчас мне требуется время все обдумать. Если это совершил я, мне необходимо найти объяснение. Что случилось? Когда? Почему? И почему я ничего не помню?

Надо было со всем этим покончить.

Опять послышался голос мамы. Он раздавался не в голове, а за моей спиной. Я обернулся к стеклянной двери, ведущей на террасу. По ту сторону стояла мама. Волосы на затылке собраны в хвост, белая ночная рубашка, босые ноги с браслетом. Так она выглядела перед смертью – без следов крови, горло не рассечено.

Ты…

Мама смотрела на меня злыми горящими глазами. Белки отливали синевой, в них взрывались красные прожилки.

Ючжин, ты…

Я испугался и, держа бритву в руке, попятился назад к кровати.

Ты не должен жить.

В моих висках пульсировали вены. Рука с бритвой напряглась, и я невольно спросил вслух:

– Почему? Что я сделал?

Мама не ответила. Налетел похожий на метель туман и скрыл ее образ из виду. Передо мной была лишь стеклянная дверь. Я осмотрел комнату – кровавые потеки на полу, следы ног, окровавленное одеяло. Все это появилось после смерти мамы. А проклятие, которое я только что услышал, мама произнесла, еще будучи живой. Когда, почему она это сказала и за что мне все это? Может быть, она так сказала, оттого что ночью я выходил из дома втайне от нее? Мне даже это запрещено? Я теперь что, не должен из-за этого жить?

Кровь бешено стучала в висках, от чего страшно разболелась голова. В затылке пекло. Перед глазами мелькали черные точки. Казалось, тело не принадлежало мне. Я пошел в ванную, бросил бритву в раковину и открыл холодную воду. Чтобы не потерять мысль из-за отчаяния и гнева, я нагнулся и подставил голову под струю воды.

Завтра, мам. Я расскажу тебе все завтра утром.

На этот раз в моих ушах раздался мой голос. Когда я поднял голову, то увидел в зеркале отражение мужчины, который, возможно, и был убийцей. Что завтра утром? Горячо желая узнать ответ, я всматривался в отражение. Волосы в запекшейся крови, кровавая вода, стекающая по лицу. Раковина стала красной от крови, на дне ее полумесяцем колебалась бритва. В темной голове, словно свет, забрезжила одна мысль.

А вдруг…

Я смотрел на бритву, и все у меня внутри сопротивлялось этой мысли – ненормальной мысли, мысли, которая придет в голову только сумасшедшему. Я моргал, смахивая с век кровавую воду.

Но все равно – вдруг…

Я окунул руку в холодную воду и достал бритву. Согнул пальцы и сжал рукоятку.

Да, вдруг…

Я выбежал с бритвой из ванной. Пока не передумал, быстро распахнул дверь комнаты и вышел в коридор.

Как можно медленнее я спускался по лестнице и считал. Один, два, три. Взгляд был сфокусирован на кончиках пальцев ног. Четыре, пять, шесть. Это был мой эффективный способ успокоиться и отключиться от ненужных мыслей. Однако на этот раз все оказалось безрезультатно. Словно тело было подчинено только симпатической нервной системе. У меня было такое ощущение, будто лоб окутал пчелиный рой, мысли разбегались во все стороны, уши наполняли различные звуки – несущийся мощный речной поток, капли воды от разбивающихся волн, ветер, раскачивающий дверь на крыше, тихий стон мамы.

Ючжин.

Я придумывал сотни причин, чтобы бросить бритву и вернуться к себе в комнату – я устал, у меня болят глаза, голова раскалывается, все мысли перемешались, я

боюсь, что эти видения сведут меня с ума… Я подтолкнул себя к лестнице и, не дыша, бегом спустился в гостиную. Там меня встретила мама – все те же широко распахнутые глаза, приоткрытые губы, ввалившиеся щеки, подбородок с кровавым следом, шея в запекшейся крови.

Бритва чуть не выскользнула на пол, и я крепко сжал ее в руке. Я опустился на колени на уровне маминого плеча. Прежде бритва была воспоминанием об отце, а теперь у нее появилось совсем иное предназначение. Она стала ключом, который только и ждал, чтобы его вставили в замочную скважину некой двери. Вставь я его туда, и сработало бы самовзрывающееся устройство. Я с огромным трудом сглотнул, и у меня закололо в горле. Казалось, я сейчас закашляюсь. Реалист издевательски спросил меня. Ты что, дрожишь?

Да. Если страшный холод, который сковал мне горло, можно было назвать страхом, то да, я определенно дрожал. В тот миг я был на грани потери сознания и задыхался от давящего холода. Я чувствовал себя загнанным на край света. Я жаждал отказаться от своей затеи. Мне очень хотелось принять пригоршню таблеток от головной боли и успокоительного и упасть в постель. Хотелось поносить последними словами реальность, ускользающую за пределами сознания. Скажи, сука! Что же мне делать?

Ну, тогда беги. Предложил мне самый простой и практичный выход Оптимист. Никто пока не знает о смерти мамы. Более того, ты знаешь, где лежит ее банковская карта, с которой можно снять большую сумму наличными. Ты и пин-код помнишь – ведь в течение нескольких лет то и дело ты снимал по ее просьбе деньги. До окончания срока действия твоего загранпаспорта еще пара лет. Рвани ты сейчас на край света – никто тебя не остановит. А что случится потом, это уже не будет тебя касаться.

Да нет. Надо было узнать. Не было смысла пытаться объяснить ситуацию логически, опираясь на собранные улики. Я мог услышать правду только от самого себя. Я не смогу жить дальше, если не пойму, есть ли внутри меня кто-то еще, кого я считаю собой, если не узнаю, что же натворил этот кто-то, живущий во мне. Я должен все узнать, пусть даже передо мной распахнутся врата ада и моя жизнь перевернется с ног на голову.

Я на коленях подполз поближе к маминому плечу. Стараясь не глядеть ей в глаза, я осмотрел рану под подбородком. Вся ее поверхность – от левого до правого уха – была покрыта засохшей кровью. Я сковырнул эту корочку пальцем

– под ней зияла длинная и глубокая, словно узкое ущелье, рана.

Я резко зажмурился. Пытаясь успокоить прерывистое дыхание, я вызывал из прошлого мальчика – пловца по имени Хан Ючжин, который, стоя на тумбе с наклоном туловища, ждал стартового сигнала. Я был вне поля зрения мамы и тети, был сосредоточен только на том месте, куда должен был прыгнуть, и на том моменте, когда должен буду оттолкнуться ногами от тумбы. И страшный ритм сердцебиения начал спадать. Мурашки на затылке тоже исчезли. Застрявший в горле вдох проскользнул внутрь.

Не нужно больше колебаться. Я открыл глаза, взял маму левой рукой за подбородок и вставил бритву в разрез под левым ухом. Лезвие без сопротивления вошло в рану. Казалось, сама рана шевелилась и всасывала в себя лезвие. Шум в голове моментально исчез и воцарилась тишина, как внутри шкафа.

Рука двигалась автоматически, действуя уверенно, без колебаний. Без малейшей погрешности она проследовала по ране, будто разрезая бумагу с помощью линейки. Каждое ощущение было привычным и знакомым. Охватившая меня дрожь, подобная крику; мягкое сопротивление внутренней плоти, которое я чувствовал рукой; уверенное плавное движение лезвия, разрезающего мышцы и вены. Одним махом бритва прошла под подбородком до правого уха.

На глаза со стороны висков надвигались шоры – поле зрения сузилось до размеров ручного зеркальца. В нем появились осколочные образы и расплывчатые выражения лиц. Вьющиеся длинные волосы, искривившиеся щеки, расширяющиеся и вновь сужающиеся зрачки, губы, которые очень старались что-то сказать. В конце концов реальность полностью закрылась. Страшная тьма, словно пропасть, надвигалась со всех сторон и давила на меня. Под ногами открывались двери памяти, которые до сих пор были намертво закрыты. Из-за них доносился голос мамы.

Ючжин!

#

– Ючжин!

Снизу из прихожей звала мама. Голос был низким, не выражающим никаких эмоций. Я тихо стоял перед железной дверью на крыше и молчал. Я был полностью вымотан – не было сил говорить. Усталость, граничащая с истощением, давила на меня всей своей тяжестью. Сознание было мутным, словно я спал стоя.

– Ючжин!

На этот раз голос был на два тона выше. Казалось, он требовал, чтобы я ответил, поскольку мама знала, что я нахожусь там. На двадцать втором этаже лаял Хэлло. Эта собака заливалась громким лаем каждый раз, когда я поднимался или спускался по лестнице.

– Да, – отозвался я, положил ключ от двери на крыше в карман куртки и спустился вниз. Мама стояла не в прихожей, а прямо на лестничной площадке. Спиной она прислонилась к перилам, скрестив руки на груди, и смотрела, как я спускался по лестнице. Входная дверь в квартиру была наполовину открыта и зафиксирована стоппером. Из прихожей лился желтоватый свет, косо освещая профиль мамы. Хэлло с двадцать второго этажа залаял еще громче.

– Где ты был?

Небольшие тонкие губы мамы были синими, будто от холода. Ее тонкие ноги, белое платье и тапочки, казалось, тоже замерзли. Я остановился на четвертой снизу ступеньке.

– Я выходил на пробежку, – сказал я нечетко, как человек, который только что пришел в себя после анестезии.

– Спустись вниз, сними маску и ответь еще раз.

Я молча снял флисовую маску и положил ее в карман ветровки. Сунув руки в карманы, на дрожащих ногах я стал спускаться по лестнице дальше вниз. Глаза мамы внимательно оглядывали меня с головы до ног. Ее взгляд был таким острым, что она запросто могла бы содрать им с меня кожу.

– Я же сказал, что бегал.

Я остановился и посмотрел на маму. Она плотно сжала губы и посмотрела на меня. В ее взгляде смешались сложные чувства. Он был одновременно взволнованным, сердитым, печальным и даже страдальческим. Но мама пыталась скрыть все это под напускным спокойствием. Я четко осознавал, что она изо всех сил сдерживается, чтобы не взорваться.

– А почему ты решил войти через дверь на крыше?

– Я боялся тебя разбудить. – Это был самый правильный ответ. Хотя я, конечно, и не надеялся, что мама его примет.

– Давай войдем в дом, – сказала она таким тоном, будто не предлагала, а приказывала мне войти. У меня все оборвалось внутри, даже пальцы на ногах зашевелились в мокрых кроссовках. В ушах раздался крик мамы, наполнивший темную улицу – это походило на галлюцинацию. У меня возникло непреодолимое желание убежать отсюда. Если бы я не был до такой степени обессилен, не страдал от страшного озноба, по ощущениям равносильного гипотермии, не испытывал страха, что вот-вот у меня начнется приступ, я бы и в самом деле убежал.

– Почему ты не заходишь? – Голос мамы смягчился, и взгляд стал теплее, будто она прочитала мои мысли. – Хэлло там с ума сходит.

Она была права. Единственный способ заткнуть пасть этой собаке – войти внутрь. Я прошел мимо мамы и переступил через порог. Она последовала за мной, почти вплотную к моей спине, и закрыла дверь. Щелчок замка ударил мне в затылок. Я остановился в коридоре у приоткрытой двери в гостиную и вынул руки из карманов куртки, чтобы снять насквозь промокшие кроссовки, тяжелые, как кандалы. В этот момент что-то упало на пол и покатилось. Кажется, из моего кармана, но проверить было некогда. Мама стояла так близко ко мне, что ее теплое дыхание касалось моего затылка. Я продвинулся вперед, словно она меня толкала.

– Стой там.

Я остановился у комнаты Хэчжина. Ее тон совсем переменился. Он стал не просто холодным, а низким, пугающим. Я обернулся. Мама стояла перед дверью

и смотрела на меня. Ее сложное выражение лица исчезло, теперь любой мог понять ее чувства. Мама сердилась. Ужасно сердилась.

– Сними куртку.

Мама протянула руку. Я молча снял ветровку с жилетом и отдал ей. Спрашивать, зачем ей понадобилась моя одежда, необходимости не было, потому что она сразу засунула руку в карман. Она достала оттуда плейер, наушники, маску, ключ от двери на крыше, потом вернула их назад. Положив куртку на пол рядом с дверью, мама с воинственным видом быстро приблизилась ко мне – она походила на козу, которая рогами бросается на обидчика. Ее внезапное движение испугало меня, и я невольно откинул голову назад. В мгновение ока ее ладони прошмыгнули в карманы моих штанов и выскользнули обратно. Все произошло так быстро, что я ничего не мог сделать. Очнувшись от неожиданности, я протянул было руку, но было уже поздно. У мамы в руке оказалась бритва.

– Отдай.

Я хотел выхватить бритву, но мама меня опередила. Она перехватила мою руку и изо всех сил меня толкнула. Я опять не был к этому готов. Яростная агрессия, которую я даже представить себе не мог. Она больше походила на женщину, дерущуюся с насильником, а не с сыном. Я был истощен и не готов к нападению, поэтому не мог контролировать свои движения. Я потерял равновесие, чуть попятился назад и рухнул на лестницу. Голова откинулась назад, и затылком я ударился о край ступеньки. Все потемнело и поплыло перед глазами. От боли я покрылся липким потом и стал задыхаться от бессилия. Я был сильно раздражен из-за того, что мое тело меня не слушалось. После нескольких попыток я сумел опереться рукой о ступеньку и поднять голову. Мама, смотревшая все это время на бритву, перевела взгляд на меня. Наши глаза встретились.

Мама это… Я открыл рот, но не смог произнести ни слова. Голосовые связки были наглухо закрыты, словно банковские сейфы. Напротив я видел глаза мамы – зрачки сильно расширены, налившиеся кровью сосуды, темно-красные опухшие веки. Она вся горела, словно охваченное огнем дерево. Жар был таким невыносимым, что воздух в доме тоже казался сухим.

– Мама, я… – с трудом заговорил я, но мама меня прервала.

– Ты…

Лезвие было направлено прямо на мое лицо. Я ощутил легкую дрожь в животе.

– Ючжин, ты… – Голос мамы сильно дрожал, как и рука, сжимавшая бритву. Она прерывисто дышала.

– Ты не должен жить. – Она бросила мне эти слова, словно метнула в меня бамбуковое копье. Я с трудом поднялся, словно раненный в шею зверь. Не в силах сфокусироваться, я смотрел в сторону мамы, которая бросилась на меня. Я не испытывал никаких эмоций. У меня не было слов, которыми я мог бы ей ответить. В голове наступила кромешная тьма, словно выключили свет.

– Надо было покончить тогда.

Мама уже стояла передо мной, ее лицо было на уровне моей груди. Она смотрела на меня страшным взглядом, похожим на лезвие топора, которое вот-вот меня рассечет. Я попятился назад и поднялся на одну ступеньку.

– Ты должен был умереть тогда. Ты должен был умереть, и я тоже…

Рукой, в которой была бритва, она с силой толкнула меня в живот. Я не ожидал такого нападения, не было даже возможности защититься. Я опять упал спиной на край ступени. Меня пронзила ужасная боль, но времени отвлекаться на нее не было. Я даже дышать не мог. Первым делом я должен убежать от мамы, которая устремилась на меня с бритвой, как Смерть. Я уперся в лестницу обеими руками и подтянулся на четыре ступеньки вверх.

– Мама, завтра. Завтра утром я все расскажу.

– Что расскажешь? – Мама со страшным криком шагнула на первую ступеньку. Я задом прополз еще две наверх.

– Что ты расскажешь?

– Все. Все, что хочешь, – с этими словами я поднялся еще на две ступеньки. До лестничной площадки оставалось столько же.

– Я расскажу тебе все – от начала до конца. Пожалуйста…

В тот момент, когда я встал на ноги, добравшись до лестничной площадки, мама снова сильно толкнула меня в грудь рукой, в которой была зажата бритва. На этот раз я ожидал этого, но далеко убежать опять не смог. Я попятился, упал в угол, ударившись затылком о выступ в стене, и с трудом поднялся.

– Сделай все сам, своими руками.

Мама стояла прямо передо мной. Она схватила меня за запястье и потянула на себя.

– У меня на глазах… сделай все это у меня на глазах.

Рукоятка бритвы оказалась в моей руке. Я рефлекторно отдернул руку – наконец-то я понял, чего от меня хочет мама.

– Что, страшно? – Мама снова схватила меня за запястье и вплотную подошла ко мне: – Или тебе обидно умирать одному?

Втиснувшись в угол, я покачал головой. Я очень старался отвести мамину руку, но это было невозможно: между нами не было зазора, чтобы увернуться, разве что оттолкнуть ее.

– Можешь не обижаться. Ты умрешь, и я сразу за тобой.

Я задыхался. В груди чувствовалась тяжесть, словно легкие до верху наполнились водой. Казалось, я сейчас утону, хотя вокруг не было ни капли воды. Я больше не мог всего этого вынести, с силой убрал мамину руку со своего левого запястья и выкрутил ее ладонь. Мама вскрикнула:

– Пусти!

Неожиданно ее руки оказались в моих, мама начала отбиваться – толкала меня всем телом, била головой по подбородку и вопила.

– Пусти, сукин сын!

Под моим подбородком танцевала черная мамина макушка. Ее крики, похожие на рычанье, ударяли мне в уши.

– Ты как… смеешь как… как ты посмел папину…

Я вынужден был запрокинуть голову, чтобы избежать ударов в подбородок. Но тогда я не мог видеть, что она делает. Мне оставалось только держать маму за руки и, подчиняясь ее движениям, следовать за ней. Мама, которая до этого пыталась всучить мне бритву, теперь делала все возможное, чтобы я не отнял у нее бритву. А через некоторое время она бросилась в атаку, норовя перерезать мне горло. Я что было сил ударил ее руку о стену. Это была моя последняя попытка защититься. Я рассчитывал, что мама выпустит бритву.

Но думать так было слишком наивно. Прежде, чем ее рука коснулась стены, она поднырнула у меня под мышкой. В следующий миг из моего горла раздался страшный крик. Мама изо всех сил вцепилась зубами в мою руку.

– Мама…

В одну секунду боль стрелой пронзила мою плоть, прошла через мышцы и влетела в голову, перерезав натянутую до предела нить. Нить, благодаря которой, изнеможенный, я добрел до дома, нить, которая сдерживала меня, пока мама на меня бросалась, пламенея от гнева, нить, которую я считал прочнее и надежнее железного троса. И я потерял над собой контроль, иными словами, разум меня покинул.

– Ради бога… не делай этого, – мой голос удалялся все дальше и дальше. Уши заложило. Со спины на меня навалилась темнота и закрыла мне боковое зрение. Я отпустил руку мамы, схватил ее за волосы и с силой потянул назад. Мама застонала, но не разжала зубы. Она рычала, как зверь, и все глубже и сильнее впивалась мне в руку. Она ослабила хватку, только когда я сумел совсем отбросить ее голову от себя. В узком пространстве, ограниченном шорами тьмы, я видел лишь тонкую, словно веточка, шею. На ней выступали округлые косточки. Синие вены вздувались и бились, будто разъяренные змеи. Я подтянул к шее мамы ее руку, в которой была зажата бритва.

Во мне тысячи ощущений медленно сменяли друг друга. Холод, замораживающий голову; пламенная жара, которая с яростью распространялась, точно скручивая мое нутро; дрожь от взрыва в каждом нервном окончании; стук размеренно бьющегося сердца. Лезвие, вонзившееся слева в мамину шею, стремительно добралось до правого уха. Горячая кровь брызнула из открытой раны под подбородком, заливая мое лицо, пол на лестничной площадке и стены вокруг. Я закрыл глаза и, отпустив мамины волосы, откинул ее руку. Ее тело с грохотом рухнуло на пол и гулко покатилось вниз по лестнице. Затем наступила тишина.

Кончиками пальцев я отер с глаз кровь и посмотрел вниз. Все было размыто, однако я четко видел валявшееся, словно пустой мешок, тело мамы, видел ее светящиеся, словно голограммы, глаза. Они служили мне ориентирами, пока я спускался по ступеням. Подойдя к маме и стоя в растерянности рядом с ней, я услышал, как пробили часы. Раз, два, три.

Скоро начнется приступ. Прошептал не то Оптимист, не то Реалист. Я взял маму под мышки, оттащил ее ниже и развернул ногами в сторону лестницы, а головой – к прихожей. А чтобы она не видела, как я поднимаюсь в свою комнату, я накинул ей на лицо пряди ее волос. Потом, сложив ее руки у нее на груди, я встал. И вдруг в это мгновение машинально попрощался с ней:

– Спокойной ночи!

#

За окном рассвело. Туман был таким густым, что, казалось, в нем можно плавать. Но было очень светло, и дождь, который шел всю ночь, похоже, закончился. По крайней мере, не было слышно шума капель, бьющих по оконному стеклу. Доносился гул проезжающих по дороге машин. Если бы вчера ночью я не выходил через дверь на крыше, то наверняка бежал бы сейчас, как обычно, по этой дороге – мимо людей, вышедших, как и я, на пробежку, велосипедистов и прохожих, идущих на работу, мимо красивой девушки. Куда она идет, с кем будет встречаться и что будет делать?

В этом мире так много разных людей. Каждый живет своей жизнью и совершает порой всякие странные вещи. Кто-то из них убьет человека и станет убийцей.

Может быть, убьет в состоянии аффекта или просто поддавшись гневу, или из любопытства. Такая уж жизнь, такие люди. Однако я никогда не думал, что этим кем-то могу оказаться я, а моей жертвой – мама. Я жил лишь одним ожиданием – ожиданием, что когда-нибудь наступит время и я сам смогу распоряжаться своей жизнью. А точнее, я жил ожиданием настоящей жизни, которая начнется после смерти мамы. Однако я никогда не хотел, чтобы мама умерла именно так. И в то же время не могу сказать, что ни разу себе этого не представлял.

Когда я посмотрел на мамино тело, я стал задыхаться. Я перевел взгляд на бритву в руке, и мои кости словно укоротились. Я поднял голову, чей-то голос вбивал мне в лоб одну мысль, точно огромный гвоздь.

Ты. Ты и есть убийца. Тук. Тук. Тук.

Пульс резко подскочил от этих ударов. Отчаянье, которое бурлило в груди, через пищевод поднялось в горло, как желудочный сок. Раздался звук рвотных позывов. Потом он перерос в смех и пулей полетел по дому, наполненному запахом крови. То ли пот, то ли кровь, а может, слезы стекали по щекам к подбородку. Убийца. Убийца, который убил свою родную мать. Боже мой, этим зверем оказался именно я. После всех усилий, волнения и напряжения я открыл для себя эту страшную правду.

Секунду, подожди. Посмотри вниз. Заговорил Реалист. Я посмотрел на мраморный пол, блестящий, как жемчуг. В нем отражался сидевший на коленях возле трупа мамы сумасшедший – его тело раскачивалось взад и вперед, он смеялся, обнажая в львином оскале зубы. Когда я повернул голову, то увидел мертвую маму. Как и десять лет назад, когда я один смеялся в кинотеатре в районе Тонсундон, она спрашивала меня грустными глазами: «Что смешного?»

Смех резко оборвался. Наступила тишина. Разгневанный голос привел меня в себя.

Ты как… смеешь… как… как ты посмел папину…

Я посмотрел на бритву. В глаза бросились инициалы на рукоятке. Я сразу вспомнил расширившиеся черные зрачки мамы. Вспомнил налившиеся кровью глаза и свирепые языки пламени, и жар, которые сжигали маму, словно дерево. Не может быть. Неужели она вела себя так только из-за этого? Из-за того, что я,

такой ничтожный, посмел забрать папину бритву?

Ты…

Ючжин, ты…

Ты не должен жить.

В этом и была причина, по которой я не должен жить? Это и есть мое преступление, за которое она приговорила меня к смерти? И чтобы привести приговор в исполнение, она хотела перерезать мне горло? Из-за этого она, в итоге, погибла сама, погибла от моих рук и вопреки своим намерениям, ведь правда? Так она разрушила мою жизнь? Именно из-за этого? Из-за какой-то вещицы умершего папы?

Я покачал головой. Это все равно что, охотясь на мышь, пульнуть по дому крылатой ракетой с максимальной дальностью стрельбы в восемьсот километров. Смог бы я избежать этой сумасшедшей ракетной атаки, если бы вчера ночью успел спрятать бритву до того, как мама вытащила ее из моего кармана, скажем, ухитрился бы просунуть ее к себе в рукав или зажать между пальцами?

Я снова покачал головой. Избежать ужасной трагедии было уже поздно. Невозможно исправить ход событий, которые уже прошли временную спираль, и изменить их направление. Это под силу лишь богу или высшему разуму, но никак не человеку, который сходит теперь с ума перед телом мамы. Единственное, что я мог сделать – это посмотреть на ситуацию под другим углом зрения. Но, как ни крути, можно ли найти оправдание тому, что предмет умершего человека разрушил сразу две жизни?

Я уже в третий раз покачал головой. Можно было даже не пытаться. Сама ситуация казалась сюрреалистичной, такое нарочно не придумаешь. Подобное могло произойти, только если бы мама была одержимой… Во мне все кипело. Я сердито смотрел в ее глаза. Пальцы, державшие бритву, подрагивали. Мне очень хотелось встряхнуть маму за плечи. Хотелось крикнуть ей. Не молчи! Скажи что-нибудь! Объясни, каково это двадцать пять лет контролировать жизнь сына, и потом полностью разрушить ее?

Начали бить часы. Восемь ударов. В голове будто переключили скорость на коробке передач, и передо мной снова проступила реальность. И с ней вернулось страшное отчаяние. Мой взгляд, словно электрон в магнитном поле, двигался по часовой стрелке – кухня, лестница, ведущая на второй этаж, дверь комнаты напротив маминой спальни, шкаф в углу, часы… В моей памяти всплыли удары этих часов. Раз, два, три.

Я задержал дыхание. Вчера ночью я отправился домой в полночь, а в свою комнату поднялся только в три часа ночи.

На то, чтобы подняться в свою комнату с момента столкновения с мамой у двери квартиры, потребовалось бы от силы минут тридцать. В таком случае я должен был вернуться домой в половине третьего. Не может быть, чтобы я два с половиной часа шел домой. Волоски у меня на руках встали дыбом. Пришел ответ на вопрос, почему мама примерно в половине второго звонила Хэчжину и тете, а параллельно возник новый – где я был и что делал с полуночи до половины третьего?

Мама, завтра. Завтра утром все расскажу.

Из воспоминаний о вчерашней ночи всплыл мой голос.

Что расскажешь? – автоматически последовал голос мамы. – Что ты расскажешь?

Действительно. Что я хотел рассказать «завтра утром»? Сейчас, когда это утро уже настало, мне нечего сказать. Одно было ясно – я хотел перенести разговор на утро, потому что был ужасно опустошен и обессилен. Чем я таким занимался, что так сильно вымотался, ведь до полуночи я летал, прямо как ласточка? А может быть, где-то у стройки или на углу улицы со мной случился припадок? Тогда кроссовки мокрые и перепачканы грязью именно из-за этого. Почему мама не спала? Почему, как только я вошел в квартиру, она обшарила карманы моей куртки и штанов? Почему я не сопротивлялся? Она же перешла черту. Вопросы возникали один за другим. В конце концов появился самый главный. Почему мама вела себя как безумная? Неужели и впрямь из-за бритвы?

Вдруг мелькнула одна мысль, которая не приходила раньше в мою перегруженную голову, – память вернулась ко мне не полностью. Я вспомнил ясно все, что случилось прошлой ночью, но причина всего этого была до сих пор

скрыта от меня. Чертовы факты, которые мне удалось восстановить, оказались лишь половиной всей правды.

Глаза запульсировали. Мне ужасно хотелось вновь оказаться в кровати.
А Оптимист сверлил мне мозг и советовал в мои заложенные уши, что лучше и не пытаться распутать всю эту страшную ситуацию, а сразу пойти в тюрьму. Вдруг я ощутил под ногами колебания двигающегося поезда, а в голове раздалось объявление диктора:

– Внимание! Поезд «Хэчжин», выехавший сегодня рано утром со станции Санам, прибывает в прихожую нашей квартиры в одиннадцать часов утра.

До прибытия «поезда» оставалось три часа. Я не был уверен, что смогу за это время ответить на вопрос «почему». Реалист посоветовал мне заняться делом, а не терять время понапрасну, сомневаясь в своих возможностях. Иными словами – я должен сделать так, чтобы Хэчжин вернулся именно домой, а не на место убийства. Только при этом условии я смогу снова заняться поиском ответа, а, получив его, перейти к типичному для всех убийц мира вопросу: как вести себя дальше – сдаться либо убежать. Я положил бритву на стойку у кухни и вошел в мамину спальню.

Есть вещи, которые никогда не меняются, независимо от времени и места. Именно к таким вещам относилась спальня мамы. Независимо от места проживания, она всегда оставалась одинаковый – и в доме в районе Панбэдон, где мы жили еще с папой и братом, и в здании с торговым центром в городе Инчхон, где в течение пятнадцати лет располагалась наша квартира, и в этом пентхаусе, куда мы переехали год назад. Сама мебель и ее расположение оставались неизменными. Старейшим предметом мебели было бюро, которое принадлежало ей еще до замужества.

Я остановился перед ним и посмотрел на статую Девы Марии, которая стояла глубоко внутри бюро. Богоматерь с воинствующим видом, совсем не вязавшимся с ее образом «Милосердная Божья Матерь», одной ногой попирала голову змея. Рядом были часы с подставкой под ручку, пенал с пишущими принадлежностями и две книги, которые, вполне возможно, мама принесла из кабинета.

Мама, даже после того, как уволилась с работы, очень много времени проводила за ним. Здесь она читала, писала, размышляла, молилась, пила чай или кофе.

Для меня это было обыденно и привычно, как прием пищи три раза в день. Вчера ночью мама, наверно, также сидела за этим бюро и что-то писала – на краю стола лежала ручка. Стул стоял неровно, плед валялся на полу, значит, она, скорее всего, поспешно выбежала из комнаты.

Она что, выбежала позвонить? Или поторопилась выйти, услышав, как я вернулся? Во сколько точно она покинула комнату? Хотя неважно… во сколько бы это ни было, главное, что она сюда больше не вернулась. Мама была из тех людей, которые не выносят, если даже подушка на диване лежит небрежно. Вернись она в комнату назад, стул вряд ли бы стоял криво, плед не валялся бы на полу, а ручка не лежала бы брошенная где попало – все в комнате было бы в идеальном порядке.

Я поднял из-под стула коричневый плед и развернул его. Он оказался совсем небольшим. А одеяло на кровати было слишком толстым. Поэтому я открыл шкаф с аккуратно сложенными там постельными принадлежностями и достал темно-синий плед, который показался мне самым тонким из всех. Он был раза в три больше, чем плед для ног, и не толще полотенца. Я подумал, что он все-таки крупнее размером, чем нужно, но мне некогда было выбирать. К тому же не хотелось дольше топтаться у шкафа, оставляя свои кровавые следы. Мне не терпелось поскорее закончить со всем этим, после чего сразу помыться. Казалось, что и моя голова тогда прояснится.

Я в спешке вышел из спальни и расстелил плед около стойки на кухне. Стоило мне повернуться к маме, как мой взгляд сразу встретился с ее взглядом.

Что ты собираешься со мной делать? – спросили ее черные мокрые глаза, походившие на черные камни на дне реки. Я снова растерялся. Опять мне ужасно захотелось убежать или хотя бы избавиться от маминого взгляда, но я не смог отвернуться. Тело меня не слушалось. Мамины глаза загоняли меня в угол.

Ты что, больше ничего не чувствуешь, кроме желания меня закопать? Я же умерла, ты разве совсем ничего не чувствуешь? Ты не понимаешь, что это тебе не кофе пролить?

Знаю, конечно, знаю. Слишком хорошо знаю, вот и схожу теперь с ума! Замолчи! Или скажи что-нибудь дельное, например, объясни, почему ты пыталась меня убить. Или дай какую-нибудь зацепку, чтобы я догадался. На крайний случай,

хотя бы намек на зацепку. Я покачал головой, тем самым прогоняя ненужные мысли. Я очень старался сконцентрироваться на перечне дел, которые нужно сделать, к тому же в определенной последовательности, чтобы покончить со всем этим наиболее эффективно и быстро. Для этого я не должен смотреть маме в глаза.

Я еле отвел взгляд от маминого лица и сфокусировался на ее груди. Затем сдвинул рукой запекшуюся на поверхности лужи кровь в сторону, чтобы мои ноги не скользили. Немного расчистив место, я присел рядом с мамой на одно колено на уровне ее плеча. Если бы не ее широко открытые глаза, можно было подумать, что она спит в своей привычной позе. Это тоже был один из моих нерешенных вопросов, которые я никак не мог разгадать. Почему я положил маму сюда и именно в такой позе? Почему пожелал ей тогда «спокойной ночи»?

Помню, это произошло через несколько дней после смерти отца и брата, тогда мы еще жили в районе Панбэдон. По-моему, была суббота, потому что я не был в школе, а мама не пошла в костел. Весь день она занималась уборкой, а с наступлением вечера с бутылкой водки ушла в комнату брата. Она несколько часов оттуда не выходила. Иногда через щель из-под закрытой двери доносились всхлипы, время от времени слышалось бормотание, которое невозможно было разобрать.

В тот день я, закрыв глаза, лежал на кровати на животе и работал руками, мысленно представляя соревнования по плаванию. В своих мечтаниях я опередил одного пловца, надежду всей нашей страны, который занимался с трех лет. В то время я твердо верил, что моя мечта осуществится всего через несколько месяцев, хотя плавать я начал лишь два года назад. В тот момент, когда я раньше этого пловца-соперника коснулся бортика рукой, я услышал, как в комнате брата что-то вдребезги разбилось. Я замер и прислушался: все стихло. Но я встал, догадавшись, что? это было.

Я правильно понял. Разбилась бутылка водки, которую мама взяла с собой. Остальное я и предположить себе не мог – мама лежала на спине, сжимая окровавленное запястье. На полу валялись семейный альбом, тапочки, заколки. Одеяло на кровати и стол брата были залиты кровью. Я невольно закричал:

– Мама!

Мама открыла глаза, но сразу их закрыла. Я побежал на нижний этаж и позвонил на номер 119.

– Мама лежит на полу.

Когда прибыли спасатели, я только закончил собираться. Надел куртку, в карман штанов положил кубик Рубика, купленный недавно, достал из маминой сумки кошелек и присел на диван в гостиной, чтобы сразу же открыть дверь, как только позвонят. Маму на «скорой» отвезли в близлежащую больницу. В отделении неотложной помощи медсестра задала мне несколько вопросов.

– Когда ты обнаружил маму?

– Папы нет?

– А другие взрослые?

У меня была тетя, но я покачал головой. Я уже тогда не любил этот бесчувственный сухарь.

– Мы живем вдвоем.

Мама очнулась только ближе к рассвету. Мне показалось, что за это время я раз тридцать собрал кубик. Как только она пришла в себя, то попросила ее выписать. И хотя медсестра ее отговаривала, она все равно встала с кровати. Босая, с распущенными волосами, она шатаясь вышла из больницы и поймала такси. Я сел в машину вслед за ней, но она не обращала на меня ни малейшего внимания. Когда мы приехали домой, уже совсем рассвело. Мама, не раздеваясь, сразу упала на кровать – откинутая назад голова, перебинтованная рука, которая свисала вниз. Я хотел выйти из спальни, но вернулся к ней, потому что вспомнил предупреждение медсестры: «Ты должен следить, чтобы ее рука находилась выше уровня груди».

Я положил ее руку на грудь, и мама открыла глаза. Когда я укрыл ее одеялом, кончик маминого носа покраснел. На глазах, уставившихся в потолок, навернулись слезы. Я расстроился, потому что ожидал, что мама скажет «спасибо» за то, что она выжила благодаря мне, и похвалит меня, а она плакала.

Я подумал, что, наверно, она просто забыла, поэтому решил ей напомнить.

– Я испугался, думал, что ты умерла. Больше не делай так.

Мама шевельнула губами, будто желая что-то сказать. Я с нетерпением ждал, но она сильно стиснула зубы, так что подбородок выступил вперед, и под ним, словно воробей, забилась синяя вена. У нее был такой вид, словно она изо всех сил сдерживается, чтобы не ударить меня. Я не знал, в чем я виноват, но понял, что мне лучше уйти. Реалист тоже посоветовал мне ретироваться из комнаты мамы. Пока я пятился, добираясь до двери, я подобрал фразу, которая могла успокоить маму:

– Спокойной ночи!

В тот день я впервые использовал эти слова в качестве стратегии. После этого я регулярно пользовался ими, как пластырем. Когда маму нужно было успокоить, когда я хотел прекратить с ней разговор или хотел что-то скрыть, когда произносил их вместо просьбы «не вмешивайся», ограждая себя от маминого контроля. Возможно, накануне вечером я сказал «спокойной ночи» именно поэтому. Этим пожеланием я давал понять, что она должна меня подождать там, пока я не решу все проблемы и не закончу свое дело.

Я просунул одну руку маме под спину, а другую – под колени. Чтобы не поскользнуться в крови, я напряг ноги и, выпрямляя их, встал. В какой-то момент я пошатнулся, выгибаясь назад. Мама показалась мне очень тяжелой, хотя телосложение у нее всегда было как у школьницы. Более того, я не мог контролировать ситуацию. Мамина голова свисала с моей руки, согнутый локоть ударил меня в живот, и рука скользнула вниз. Корки засохшей крови, покрывавшие все ее тело, отскакивали и падали на пол. Казалось, ее волосы окутали мои бедра. Когда я сделал шаг в сторону пледа, я пяткой наступил на запекшуюся кровь и поскользнулся. Из-за этого мне пришлось сбросить тело мамы на плед.

Я присел и перевел дыхание. Ноги сильно дрожали, поэтому я стоял с трудом. А всего-то какой-то метр пронес тело, которое было вполовину меньше меня. Просто, когда я делаю то, что мне совсем не хочется делать, я оказываюсь хуже муравья или пчелы. Неделю назад мама решила разобрать и вымыть холодильник. Тогда она сказала, желая поддеть меня, что муравей может

переносить предметы в пятьдесят раз тяжелее, чем он сам, а пчела – и раз в триста. Услышь это Хэджин, он понял бы намек и без слов. Но в тот день дома был только я, ничего не понимавший. Мама добавила:

– Если соотнести это с мужчиной ростом 184 сантиметра и весом 78 килограмм, то он способен протащить на себе трейлер весом в девять тонн.

Отличный способ заставить меня отодвинуть холодильник. К сожалению, теперь она не могла воспользоваться этим талантом. Она больше ничего не могла, кроме как лежать на старом пледе. Наверно, это и есть смерть.

Я закрыл ей глаза. С силой разогнул ее согнутые в локтях руки. Когда я выпрямил ей шею, послышался звук ломающихся костей. Чтобы закрыть ее рот, я оттянул подбородок, из-за чего чуть не сломал ей челюсть. Отдернув полу ее платья, задравшуюся кверху, я понял, что? это было за платье.

Не платье, а ночная рубашка, которую прошлой весной я купил маме в подарок на пятидесятилетие. Я отчетливо помню, как она рассердилась и вместо того, чтобы меня поблагодарить, назвала ее «ночнушкой для бабушки». После этого я не видел, чтобы мама ее надевала, поэтому решил, что она эту рубашку выбросила. По правде говоря, я вообще забыл про свой подарок. Но теперь у меня возник еще один вопрос. Почему мама была именно в ней?

Я заметил, что в кармане ночнушки что-то лежит – длинное, похожее на зажигалку. Моя находка была совсем неожиданной – ключ от машины. Все вещи мама обычно клала на место, значит, этот ключ должен был быть в ящике стола. А ночная рубашка была тут совсем «не пришей кобыле хвост». Вряд ли мама поздно вечером собиралась куда-то поехать в одной ночнушке. Мама, конечно, несмотря на свой возраст, носила узкие джинсы и у нее были прямые длинные волосы, но она была не настолько «современна», чтобы отправиться куда-то на машине в ночной рубашке. Тем более, после девяти вечера она обычно вообще не выходила из дома – не то что на улицу, даже в садик на крыше, который она очень любила. Такие уж были мамины правила. Именно благодаря им я мог спокойно выходить на улицу через дверь на крыше.

Я положил ключ на место в ящик стола и завернул тело мамы в плед. Веревка, чтобы завязать плед, была бы как нельзя кстати, но желания и времени искать ее не было. Да и оставлять повсюду кровавые следы совсем не хотелось.

Головной боли и без того хватало – следы пестрели повсюду.

Я подсунул руки под завернутое в плед тело и глубоко вздохнул. Затем уперся пятками в пол и разом встал. Кровеносное давление тут же подскочило, на лбу вздулись вены. Мама казалась еще тяжелее, чем когда я поднимал ее из лужи крови, будто тело было завернуто не в плед, а лежало в деревянном гробу.

Стараясь не наступать на пятна крови, я осторожно, словно по заледеневшему озеру, двигался к лестнице. Как только я поднялся на первую ступеньку, весь мир моментально затих, на вторую – заложило уши. К третьей ступеньке я весь вспотел, у меня закружилась голова. Под ногами раздалось хлюпанье – клейкая и скользкая подсохшая кровь просачивалась между пальцами ног. А в голове бесконечно повторялся голос мамы.

Ючжин.

Голос был низкий и дрожащий, словно плач. Четвертая ступенька.

Ючжин!

Теперь это был резкий вскрик, пронзивший мои уши. Пятая ступенька.

Ючжин!!!

Голос будто обладал силой притяжения и давил мне на плечи. С каждой новой ступенькой мне казалось, что мои ноги проваливаются под лестницу. Когда я поднимал ногу вверх, вся лестница поднималась вместе с ней. Добравшись до лестничной площадки, я остановился передохнуть и прислонился к стене. Мое плечо скользнуло чуть вниз по окровавленной стене. Я тихо сдавленно крикнул, и голос мамы исчез. А ее тело сделалось необыкновенно легким.

Когда я пришел в себя, то увидел, что сижу с расставленными коленями на полу в луже крови. У меня между ног лежала мама, плед полностью раскрылся. Я ужасно растерялся. Делалось невыносимо от мысли, что я должен встать на ноги и подняться по лестнице, перед этим снова завернув маму в плед. Четвертый раз за это утро я испытал желание все бросить. Я, наверно, так бы и сделал, если бы в голове не раздался возглас. Приближается поезд «Хэчжин».

Я поднялся. Кое-как обернул маму пледом и взял ее на руки. Помня о приближающемся поезде, я поднялся по лестнице и добрался до двери на крышу. Пальцем я нажал на ручку, толчком ноги открыл саму дверь и вышел на террасу. Прямо в лицо дул колючий декабрьский ветер. В тумане раздавался крик чаек. Садовые качели, стоявшие под навесом, раскачивались от ветра и скрипели. Они переезжали с нами с места на место со времен Панбэдона. Мама часто сидела в них, делая передышки, когда ухаживала за садом на крыше. Иногда она притворялась, что пьет там чай, а на самом деле подглядывала за мной в моей комнате.

Я прошел по выложенной камнями дорожке к навесу и положил тело мамы спиной на сиденье качелей. Под весом мамы они остановились и перестали скрипеть.

Рядом стояли две скамейки без спинок, стол и гриль для барбекю на длинных ножках. Я встал перед столом, изготовленным по маминому дизайну. Он представлял собой ящик из прочного дерева и был рассчитан на восемь человек. Когда сдвигали его верхнюю крышку, под ним открывалось большое пространство, куда мог бы поместиться я. Мама хранила там необходимые для работы в саду вещи – синий брезент, прозрачною пластиковую пленку, мешок с удобрением, мотыгу, садовые ножницы, лопату, пилу, пустые горшки и резиновый шланг для полива…

Я вынул их и положил на пол. Освобожденное место я застелил пластиковой пленкой. Получилось место погребения, куда я и уложил тело мамы. Я почувствовал себя потерянным. Похороны папы и брата были еще в детстве, и я совсем ничего не помнил. Как рассказала мне позже мама, в день похорон я крепко спал. Да и помни я что-нибудь, чем бы мне это помогло? Даже если бы я попытался сделать на ее похоронах что-нибудь особенное, ей бы все равно, скорее всего, это не понравилось, как обычно не нравилось все, что я делал. Еще и сказала бы сердито. Сам убил, а теперь пытаешься мне угодить.

Я накрыл ее брезентом, а сверху положил вещи, которые достал из этого стола-ящика. В ногах разложил пустые горшки и инструменты, на голове пристроил прозрачный пластик и мешки с удобрением. Шлангом замотал край брезента и как следует его закрепил. Когда я поднял пилу, в ушах снова раздался голос мамы:

Надо было покончить тогда.

Весь пот сразу испарился, лицо покраснело, словно раскаленная печь в сауне. Подбородок горел, будто от удара кулаком. В глубине рта появилась кисловатая слюна.

Ты должен был умереть тогда. Ты должен был умереть, и я тоже…

Когда «тогда»? Что же я натворил «тогда»? Что я такого сделал, что я должен был умереть? Я и не подозревал этого – мама, оказывается, до такой степени меня ненавидела, что хотела убить; она только притворялась, что растила меня с любовью. У меня подскочило давление. Казалось, все волосы на голове встали дыбом. Я резко бросил пилу в ящик и сердито закрыл крышку стола. Тут же, не оборачиваясь, я поспешил уйти оттуда, опасаясь, что начну трясти мертвое тело мамы и из-за этого забуду о прибытии «поезда».

Я с силой захлопнул дверь на крыше. Воцарилась тишина, как перед надвигающейся бурей. Голос мамы тоже затих. Спускаясь по лестнице, я выключил в голове всякие мысли о ней. Я думал только о том, что должен был сделать в тот момент. Сперва я решил открыть все окна, но передумал и изменил последовательность – откроешь проветрить, и в дом, как буря, ворвется морской ветер. Запах крови, конечно, быстро развеется, но весь дом будет в беспорядке. Мелкие легкие вещи попадают в лужи крови и начнут кататься по полу. Тогда кровь будет вообще повсюду, и работы у меня только прибавится.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тест по праву LEET (Legal Education Elegibility Test) – вступительный тест для юридических вузов в Корее.

2

Свету моих очей! (англ.)

Купить: https://tellnovel.me/ru/yuchzhon_chon/horoshiy-syn-ili-proishozhdenie-vidov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить